

Издательство детектив

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Хедхантер без головы

Галина Михайловна Куликова

Хедхантер без головы

Серия «Изыщный детектив от Галины Куликовой»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3091455

Куликова Г. М. Хедхантер без головы : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55605-2

Аннотация

Блестящая карьера Марины Кольвановой, удачливого хедхантера, или, говоря попросту, специалиста по переманиванию топ-менеджеров из одной компании в другую, вот-вот готова рухнуть. После стрессового интервью, которое она провела, внезапной и странной смертью погибает претендент на руководящую должность. Следователь уверен, что Марина превысила свои полномочия и довела человека до самоубийства. На помощь девушке приходит Савелий Васин, молодой энергичный сотрудник прокуратуры, влюбленный в Марину и готовый на все ради ее безопасности. Однако его стальных мышц и пистолета здесь явно недостаточно – чтобы распутать клубок загадочных событий, выяснить причину нескольких странных смертей и найти изощренного преступника, необходим мощный интеллект. Вот тогда, после настоятельных уговоров Васина,

за дело берется его наставник, некоронованный король сыска, почетный работник прокуратуры на заслуженном отдыхе и заядлый шахматист Юрий Иванович Бойко.

Галина Куликова

Хедхантер без головы

Марина стояла у громадного, в полстены, окна перегородной комнаты и, раздраженно барабаня пальцами по мраморному подоконнику, хмуро наблюдала за маленьким полным мужчиной, который только что выскочил из подъезда их офисного здания. На мужчине был отвратительный, грязного песочного цвета однобортный костюм, вышедший из моды лет этак двадцать назад. В пухлых коротких руках – изрядно потертый черный портфель с двумя замками.

Пересекая двор, мужчина несколько раз суетливо оглянулся, словно ожидая бандитского нападения или иных неведомых напастей вроде атаки диких лесных пчел. Ничего не обнаружив, он втянул голову в плечи и быстро засеменял направо, к пешеходному переходу. Марина не могла разглядеть выражения его лица, зато отсюда, с высоты третьего этажа, открывался роскошный вид на обширную, сильно загоревшую лысину. Впрочем, лицо мужчины она представляла очень хорошо, так как с этим невзрачным и неряшливым толстячком они только что расстались. Причем расстались, явно недовольные друг другом.

«Неприятный тип! – подумала Марина. – Нервный, дерганый. А может быть, вообще с приветом. Прежде чем написать заключение, надо с Лидиной посоветоваться. Пусть

узнает, кто его протеже. Хотят брать на работу – пусть берут, но я снимаю с себя всякую ответственность».

Бросив прощальный взгляд на эффектно блестящую в лучах заходящего солнца лысину, которая маячила уже в районе светофора, Марина собралась покинуть свой наблюдательный пункт и вернуться в кабинет. Но не успела... Прямо на ее глазах случилось странное происшествие.

Мужчина, который десять минут назад сидел напротив нее в кресле, то и дело вытирая носовым платком потное лицо, вдруг резко перешел с семенящего шага на стремительный бег.словно тайфун, он пронесся через толпу пешеходов, ждавших зеленого сигнала светофора. Разметав людей по тротуару, мужчина в песочном костюме вылетел на мостовую, где по всем полосам резво мчались многочисленные машины, и, будто гигантский кузнечик, сделал несколько отчаянных прыжков – два вперед и один назад. Последний оказался для него роковым. В следующую секунду бедолага уже лежал под колесами не успевшего затормозить рейсового автобуса, а вокруг его головы растекалась страшная темно-красная лужа.

Место происшествия мгновенно окружила толпа сочувствующих и просто зевак. Некоторые тут же достали мобильники: кто-то торопился вызвать врачей, а кто-то стремился поскорее сфотографировать место трагедии.

Некоторое время Марина пребывала в холодном оцепенении, потом заметалась по коридору и в конце концов, словно

хороший спринтер, рванула к лифту. Не дождавшись кабины, что есть силы ударила по ни в чем не повинной красной кнопке вызова и побежала вниз по лестнице, рискуя в любой момент сломать каблук, вывихнуть ногу, а то и вообще свернуть себе шею.

– Кто это еще пролетел? – удивленно моргая, спросил дежуривший у входа здоровенный рыжий секьюрити, провожая недобрым взглядом стремительно удаляющуюся фигурку. – Догнать ее, что ли? Пропуск не показала...

– Оставь, – лениво отозвался узколицый брюнет, сидящий в кресле неподалеку. – Это Марина Колыванова, новенькая, из службы персонала. Пусть бежит.

– Понятно. Все они там со странностями...

– Психологи, – пожал плечами сидящий в кресле мужчина.

– Психованные психологи, – ухмыльнулся секьюрити.

– Не, эта ничего. Вежливая, улыбается всегда. Но при том боевая, на язычок острая. В обиду себя не даст. Люблю таких, – мечтательно протянул узколицый брюнет.

Он был начальником службы режима и безопасности инвестиционного холдинга «Венко» и по роду своей деятельности много чего знал о его сотрудниках.

* * *

Звонок разливался мелодичными трелями и никак не же-

лал умолкнуть.

– Кого там еще нелегкая принесла? – ворчал Бойко, пробираясь по длинному, заваленному вещами коридору. Лавируя между валяющимися на полу спортивными сумками и чемоданами на колесиках, он добрался наконец до входной двери.

Щелкнув замком, поправил сползшие на нос очки и сердито уставился на беспокойного гостя.

– У тебя палец судорогой не свело? Ну, чего трезвонишь? Если я дома, то открою после одного звонка. Отсутствием слуха, хотя и на пенсии, слава богу, не страдаю. А если меня нет, то...

– Юрий Иванович, дорогой, простите!

Высокий блондин лет тридцати со спортивной фигурой и отчаянными голубыми глазами нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Очень боялся опоздать, думал, вы уже улетели. У меня сегодня отвратительный день, сплошные неприятности!

– Ты не ночевал дома, не успел пообедать, повздорил со своей новой пассией и тебе испортили настроение в авто-сервисе, – пробурчал Бойко, пропуская молодого человека в квартиру. – Вряд ли из-за таких пустяков ты примчался бы ко мне ломать звонок. Что-нибудь серьезное?

– Разумеется! – начал было блондин, но тут же, оборвав себя, воскликнул: – Я вас знаю уже столько лет, но никак не пойму, как вы это делаете.

– Это же элементарно, мой дорогой Васин. Будь ты чуточку внимательнее к деталям, и тебе как работнику прокуратуры цены бы не было.

– И все-таки – в чем фокус?

– То, что ты ночевал не дома, очевидно – сегодня ночью резко похолодало, дождь идет целый день, а ты бегаешь в майке с надписью «Солнечный остров» и промокаемых мокалинах. Скорее всего, вчера вечером ты прикатил в гости, да так и заночевал у новой знакомой. Почему я думаю, что новой? Просто там у тебя пока еще нет своего гардероба на такой случай. Логично?

– Ну да, – ухмыльнулся Васин.

– Домой заехать переодеться не успел, надо было торопиться на службу, пусть даже и в таком наряде. Насчет обеда – еще проще. Не обижайся – на твоей одежде после еды всегда остаются мелкие пятнышки. Справедливости ради замечу, что выйти идеально чистым из-за стола удастся немногим. Не на костюм, так на галстук или рубашку обязательно посадят отметину. Так вот, сегодня твоя белая майка девственно-чиста, а это значит, что ты не завтракал и уж точно не обедал. Ну а если ты не позавтракал – значит, твоя девушка была не в духе, скорее всего, вы поссорились, и ты голодный помчался на работу.

– Может, я не завтракал, потому что вообще не голодный?

– Я тебя слишком хорошо знаю, чтобы предполагать нечто подобное.

– А про сервис вы откуда взяли? – спросил слегка раздосадованный Васин.

Все, оказывается, на нем написано, как на листе бумаги! Даже обидно.

– Оттуда, – назидательно промолвил Бойко. – Обычно приезжая, ты крутишь в руках ключи от машины. Это привычка, от которой невозможно избавиться. И вот сейчас их нет. Где ты мог оставить столь дорогие твоему сердцу ключи? Скорее всего, в автосервисе. Вместе с машиной, разумеется. Плюс – руки. Хоть и отмытые, но явно чем-то были перепачканы. Значит, лазил под капот, но сам поломку устранить не смог. Ну а если машину пришлось оставить на сервисе, вероятно, проблема серьезная. Как тут не расстроиться? Опять же – мокрая обувь, которой ты сейчас пачкаешь мой прекрасный персидский ковер.

– Простите, сейчас я их сниму, – спохватился Васин.

– Валяй, – кивнул Бойко и продолжил прерванную мысль. – Разъезжая в своем авто, так не вымокнешь. Пока бегал под дождем, ловил машину, чтобы добраться сюда, – вот и промок. Так-то, мой дорогой коллега. Ну а теперь рассказывай, только покороче – хоть у меня рейс ночной, но я еще, как видишь, не собрался. Вот уже час не могу определиться – сумку брать с собой или чемодан.

– Почему бы вам не использовать свой дедуктивный метод? – ехидно поинтересовался Васин.

– Дедукция здесь не поможет, – тяжело вздохнул Бойко. –

Это вопрос целесообразности. Вот смотри – я приобрел в подарок своим друзьям и в качестве призов для турнира юниоров наборы шахмат из бивня мамонта. Удивительной красоты работа, не говоря уже про то, что большая ценность! Однако и место эти коробки занимают изрядное.

– Но раз уже куплены, надо взять.

– Разумеется, но дело не в этом. Нужно ли мне тащить все это сейчас или ограничиться только призами, а подарки оставить дома. Видишь ли, Савелий, через месяц состоится семинар в Красноярске, и мы там все увидимся. Это с одной стороны. С другой стороны, подарки к дням рождения, юбилеям, то есть к конкретным датам, многие из которых уже прошли. Так вот я и размышляю, уместно ли ждать еще целый месяц, тогда как...

– Юрий Иванович! – взмолился Васин. – Мне неловко, что я так бесцеремонно вторгаюсь, но вы должны меня выслушать. Если бы только вы смогли помочь! Правда, ваша поездка... Так не вовремя она подвернулась!

– Что?! – грозно воскликнул Бойко. – Не вовремя? У меня одно из ответственных соревнований года, приедут гроссмейстеры ведущих шахматных держав! Ты забыл, что я почетный работник прокуратуры на заслуженном отдыхе? Заслуженном!!! И заслужил этот отдых, проработав почти три десятка лет следователем по особо важным делам! Настоящий отдых для меня – шахматы, игра мудрецов. Здесь я нахожу истинное отдохновение, а вовсе не в сиюминутных

уголовных страстях. Хватит, занимайтесь сами, без меня.

– Да ладно, ладно, – забормотал Васин, испуганно поглядывая на разгневанного Юрия Ивановича. – Это я так, разволновался. Дело-то касается лично меня. Вернее, меня тоже касается, но в первую очередь – одной девушки, моей знакомой...

– Не может быть! – взревел Бойко. – Васин, ты опять за старое? В беде очередная подруга! Ты что, даешь объявления, и они слетаются на зов? Может быть, для разнообразия, найдешь себе спутницу без криминальных проблем? Уверен – в нашей стране есть девушки, которых не обвиняют в убийствах или иных тяжких преступлениях. Прошу тебя, поищи себе такую, а мне дай возможность спокойно подготовиться к поездке.

И, сорвав с себя очки, он разгневанно фыркнул.

– Юрий Иванович! – взмолился Васин, жалобно глядя на рассерженного маэстро. – Честное слово, это в последний раз! Все было отлично, мы даже собирались пожениться, и вдруг такое... Я ее люблю и хочу помочь, но дело уж больно странное. Здесь только с вашим интеллектом можно...

– Скажи мне, Савелий, пожалуйста, – перебил его Бойко, вновь водружая на нос очки. – Как ты смог за одну ночь влюбиться, принять решение жениться да еще вляпаться в какую-то темную историю?

– Почему – за одну ночь? – искренне удивился Васин. – Мы знакомы уже больше месяца.

– Да неужто? – брови Юрия Ивановича поползли вверх. – А как же понимать твоё сегодняшнее ночное приключение?

– Это я в знак протеста, – пояснил Васин, блуждая взглядом по комнате. – Мы поругались. Как раз из-за того, что я хотел разобраться и помочь, а она послала меня к черту и сказала, что справится сама. Стала выгонять меня из квартиры, а когда я отказался уходить, дважды ударила ноутбуком по спине.

– Надо же, как интересно, – ухмыльнулся Бойко. – По тебе не скажешь.

– Потому что вы невнимательны к мелочам, – сыронизировал Васин. – На майке сзади видны следы побоев. Но если серьезно, Юрий Иванович, то я уверен – она сама не выпутается из этой истории.

– Что-то я не пойму, – покрутил головой Бойко. – После того как она поколотила тебя компьютером, вы помирились?

– Да нет, не помирились. Я разозлился, пошел с горя в кино. Там и познакомился с... В общем, это неважно. А утром особенно ясно осознал, что ситуацию надо спасать и сделать это в состоянии только вы.

– Савелий, ты беззастенчиво пользуешься моим к тебе хорошим отношением. Ты стажировался в моем отделе, я курировал твои первые шаги в прокуратуре, делился с тобой секретами профессии. Но бога ради, избавь меня от участия в твоих амурных приключениях. Точнее – от участия в ликвидации последствий этих самых приключений. Дважды я

уступал твоему нажиму. Помнишь?

Васин покорно кивнул и вновь жалобно посмотрел на бывшего шефа.

– Я надеялся, ты повзрослеешь, наберешься ума-разума. Думал, совесть проснется. Так нет же – снова на те же грабли. Уйди, Савелий, мне собираться надо. Сам выпутывайся из этих передряг. Твои женщины – твои проблемы.

– Юрий Иванович, последний раз! Пожалуйста! Если с этой девушкой что-то случится, я себе не прощу. Я женюсь на ней, и все проблемы с женщинами у меня прекратятся сами собой. Поверьте! Хотите, я на свадьбе при всех поклянусь?

Бойко с большим сомнением посмотрел в бедовые глаза Васина и покачал головой.

– Ладно, уговорил. Бог любит троицу, займусь на досуге. Только давай вернемся к данной теме через две недели, когда вернусь из Калининграда. Но учти, это – в последний раз. Больше со своими бабами ко мне не приставай, иначе укажу на дверь.

– Юрий Иванович, гигантское спасибо! Я ваш должник до конца жизни. Но за две недели что угодно может произойти. Давайте разберемся прямо сейчас.

– Ничего особого не произойдет, я уверен. Ты просто паникуешь. Это не украшает такого большого и сильного мужика. Твоя барышня – она ведь не серийный убийца.

– Нет, конечно, – неуверенно проямлил Васин. – Хотя

как посмотреть...

– Что? – Очки у Бойко едва не взлетели на лоб. – Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего, ничего, – быстро заговорил Васин. – Просто неудачно выразился. Когда расскажу, все сами поймете. Ну, прошу вас, задержитесь хотя бы на несколько дней. Без вас тут будет катастрофа. А с вашей помощью мы быстро размотаем эту историю.

– Савелий, прекрати льстить. Меня этим не проймешь. Хорошо, если ты считаешь дело настолько срочным...

– Очень, очень срочным, – горячо заверил Васин. – Боюсь, ей могут предъявить обвинения и арестовать.

– Ладно, – устало махнул рукой Бойко. – Могу задержаться, но не более чем до воскресенья. К четвертьфиналам обязательно должен быть на месте. Сейчас позвоню в судейский комитет, предупрежу их. Но учти – если будут серьезные возражения, я вылечу через двое суток, не позже. И никакие проблемы твоих дам не помешают мне это сделать. Выясни, как аннулировать мой билет. Сам будешь этим заниматься. Наверное, ехать куда-то надо.

– Но у меня сейчас нет машины. К вечеру, правда, обещали отдать.

– Поезжай на трамвае. Кстати, не забудьте помириться, а потом приезжайте ко мне. Лучше часикам к восьми вечера. Надеюсь, до этого времени твоя дама не попадет в тюрьму и не сломает тебе позвоночник айподом или мобильным те-

лефоном. Как она отнесется к тому, чтобы мы поговорили втроем? И, пожалуйста, пусть не берет с собой электронные приспособления. Я люблю работать в спокойной обстановке.

* * *

Выходя из кабинета начальника кадрового департамента, Марина, не удержавшись, изо всех сил шарахнула дверь. Она дрожала от ярости, но из последних сил старалась держать себя в руках. Хлопнуть дверь – вот единственное, что она себе позволила. По-хорошему, конечно, надо было швырнуть в мерзкую физиономию бывшего начальника увесистый металлический бюст Наполеона Бонапарта, украшавший необъятный письменный стол главы департамента. А еще лучше – сделать ему «сливку»: схватить за нос пальцами и выкручивать, пока не посинеет. Такому двурушнику вполне подошла бы кривая физиономия.

Как посмел этот выскочка Хибаров, беспринципный карьерист и бабник, разговаривать с ней подобным образом! Вчера ее несколько часов подряд допрашивал следователь. Марина вернулась домой совершенно разбитая и в полной уверенности, что ее собираются надолго упечь в тюрьму. Ну допустим, у следователей служба такая – в каждом видеть преступника. А этот гнусавый хорек что о себе возомнил?

Марина до последней минуты надеялась, что хотя бы отчасти защищена авторитетом фирмы, на которую работает.

Думала, ее не дадут в обиду, помогут, отстоят. На деле все оказалось иначе.

Вместо того чтобы поддержать своего сотрудника морально или, например, обеспечить Марине юридическую поддержку – послать вместе с ней к следователю юриста, ей сначала учинили еще более унижительный допрос в службе безопасности компании. Затем, не дав передохнуть, направили к начальнику кадрового департамента Хибарову, который с ходу заявил, что она, Марина Колыванова, которой немногим более двух месяцев назад оказали великую честь, приняв на работу в известнейшую инвестиционную компанию, позорит оную своими безрассудными и непрофессиональными действиями. Напоследок, скорчив постную физиономию, сообщил, что ей был установлен стандартный испытательный срок в три месяца, и теперь он, Хибаров, от имени руководства холдинга «Венко» сообщает – испытательный срок она не прошла из-за своей низкой квалификации, поэтому компания расторгает заключенный с ней контракт с сегодняшнего дня.

Теперь Марине оставалось подписать обходной лист, получить расчет в бухгалтерии и забрать трудовую книжку. И сделать «сливку» Хибарову, если только он хоть раз в жизни попадетя на ее пути.

Конечно, размышляла Марина, спускаясь в свой кабинет на третьем этаже, чтобы собрать вещи, дело не в Хибарове. Он, безусловно, повел себя в этой истории по-свински: бро-

сил ее на произвол судьбы, отдал на съедение, не сделал даже попытки помочь. А ведь как, мерзавец, ухлестывал за ней на том корпоративном вечере, посвященном десятилетию инвестиционного холдинга! Потом были букеты, приглашения на модные показы... И вот, пожалуйста! Карьера превыше всего! Вел себя так, будто не он еще неделю назад обещал встать на колени перед ее подъездом и стоять, пока она не ответит ему взаимностью.

Ладно, здесь все понятно. Хибаров – лишь передаточное звено, динамик, через который озвучили решение, принятое на самом верху. Руководство компании брезгливо отвернулось от молодой, перспективной и амбициозной сотрудницы, боясь оказаться втянутым в скандальную историю и судебные разбирательства. Марина видела, как перед ее приходом из кабинета Хибарова выскочил Вадим Геннадьевич Емельяненко, худощавый элегантный брюнет, начальник службы режима холдинга. Обычно, встречая Марину в коридоре или в лифте, он улыбался, шутил и проявлял всяческое благорасположение. На сей раз Вадим, как просил он себя называть, когда они впервые познакомились, даже глаз не поднял на опальную сотрудницу. Молча прошествовал мимо и скрылся за дверью приемной. Впрочем, когда вчера Марина, к своему величайшему удивлению, буквально столкнулась с ним, выходя от следователя, он повел себя точно так же – сделал вид, что не заметил ее.

Емельяненко, о чем прекрасно было известно всем, кто

работал в «Венко», осуществлял связь с силовыми структурами. От него руководство холдинга и узнало, что над головой Марины Колывановой сгущаются серьезные тучи. Он же наверняка и принес Хибарову решение о ее увольнении.

Увольнение прошло стремительно. Видимо, соответствующим службам была дана четкая команда с самого верха – изгнать немедленно. Вероятно, уже завтра утром на имя следователя уйдет соответствующая бумага за подписью Хибарова, что в их компании она уже не работает.

В шестнадцать часов ноль три минуты красивые стеклянные двери с золотым логотипом инвестиционного холдинга «Венко» в последний раз закрылись за Мариной Колывановой, двадцати пяти лет от роду, бывшим ведущим специалистом по оптимизации и мотивированию кадрового резерва, а ныне безработной и, что самое страшное, подозреваемой в совершении тяжкого преступления.

* * *

– А я тебе говорю – поехали!

– А я тебе говорю – не поеду! И вообще – пошел к черту!
Или еще раз по хребту захотел получить?

– Нет уж, спасибо.

Васин, опасливо глянув на Марину, непроизвольно почесался спиной о дверной косяк. Место от удара ноутбуком даже спустя столько времени продолжало немного саднить.

– Вот и проваливай, откуда пришел. Иначе получишь уже утюгом! Спаситель, тоже мне, выискался. Без тебя обходилась, и в этот раз как-нибудь обойдусь

– Я тут ни при чем, – взмолился Васин, пытаясь осторожно приблизиться к негодующей девушке. – Просто есть один человек, который действительно может разобраться в этом деле. Послушай меня, пожалуйста. Я прекрасно знаю нашу систему. Ты единственный подозреваемый, и тебя так просто не выпустят.

– Ни от тебя, ни от твоих знакомых мне ничего не надо. Все вы герои, когда добиваетесь взаимности, а чуть что – в кусты.

– Какой взаимности я сейчас добиваюсь? – буквально взвыл Васин. – Я все понял, ты больше меня не хочешь видеть, считаешь, что я изменяю тебе. Но речь теперь не об этом. Давай собирайся, поедем к нему, поговорим, а потом можешь гнать меня на все четыре стороны. Сейчас главное – чтобы вы познакомились и он взялся за это дело.

– Я тебе, Савелий, не доверяю. Вот какой из тебя следователь? Ты самый непутевый тип, которого я знаю. Поэтому плевать я хотела...

– Пожалуйста, не надо плевать. Я-то ладно, но человек ради тебя отложил поездку на крупный международный шахматный турнир, он ждет нас к восьми часам.

– Шахматный турнир? А, понятно. Гроссмейстер О. Бендер, шахматный клуб «Четырех коней». Видимо, аферист,

как и все твои знакомые.

– Он известный шахматный теоретик, – всерьез обиделся Васин. – Автор книг о шахматах, международный судья. В прошлом – лучший прокурорский следователь. Мой наставник.

– Тогда точно не поеду.

– Допустим, я оказался не самым талантливым его учеником, – покорно согласился Васин. – Но его талант от этого меньше не стал. Марина, что бы ты обо мне ни думала, я очень переживаю за тебя и хочу, чтобы Юрий Иванович помог разобраться. Дело и впрямь весьма странное и, на мой взгляд, довольно опасное.

– Хватит пугать, сама понимаю, что это не шутки. Но вот сейчас я приму от тебя помощь, а потом ты мне на шею сядешь.

– Да я...

– Хорошо, поехали к твоему гроссмейстеру. Но только не думай, что я тебя сразу простила и все забыла, ясно?

– Ладно, ладно, договорились. Давай сначала тебя реабилитируем, а затем уже будем отношения выяснять. Если ты к тому времени не раздумаешь.

– Не раздумую. Твой наставник – он как Ниро Вульф?

– Лучше. Он худой и соображает гораздо быстрее.

– А в плане гонораров? Денег у меня не так уж много, и может быть, еще на адвокатов придется потратиться, если твой знакомый гений не поможет.

– Он сделает это исключительно из любви к искусству. Ну, может быть, еще из чувства сострадания ко мне.

* * *

Подъезд старого московского дома, куда они вошли, вызвал в памяти давно вышедшее из употребления слово – парадное. Потолок, уходящий куда-то ввысь, широкая лестница с удобными пологими ступеньками, красивые деревянные перила.

Пешком поднявшись на второй этаж, они остановились перед огромной двустворчатой дверью. Причем не металлической, как это повсеместно принято, а деревянной, красиво обитой черной кожей.

– Мне кажется, – почему-то шепотом сказала Марина, – на такой двери обязательно должна быть золоченая табличка с надписью – действительный статский советник Шувалов, или – ректор Санкт-Петербургского университета Разумовский.

– Почему – Санкт-Петербургского? – удивленно спросил ее Васин. – Мы же в Москве.

– Перестань умничать, это я так, для примера, первое, что пришло в голову. Декорация прямо из девятнадцатого века. Здесь надо кино снимать из прошлой жизни. Давай звони, а то я нервничаю.

– Так Бойко – он же как раз из этих. Дворянин. Между

прочим, тебе в голову пришли две известнейшие фамилии. Только Шувалов был не действительный статский советник, а Разумовский не ректор университета. Они...

– Для человека в погонах и с пистолетом под мышкой, ты подозрительно хорошо образован, – повела бровью Марина. – Прости, я была несправедлива к тебе. Ты не по бабам в свободное время бегаешь, а тайно посещаешь литературно-историческое объединение «Беглый пегас» при вашей прокуратуре. До сего момента ты интеллект камуфлировал и эрудицией не блистал, больше упирал на физподготовку.

– Думай, что хочешь, – обиженно пробубнил Васин, осторожно нажимая кнопку звонка. – Это меня Бойко приучил читать книги по истории. Он говорил, что хороший следователь должен... Юрий Иванович, это мы. Можно?

– Здравствуйте. Проходите.

– Добрый вечер, – вежливо произнесла Марина, входя и осторожно осматриваясь. Квартира была под стать дому. Добротная старинная мебель, картины и гравюры на стенах, книжные шкафы до потолка, заполненные изданиями в кожаных, с золотым тиснением, переплетах.

– У меня, простите, беспорядок, в поездку собираюсь, – извинился Бойко. – Поэтому прошу на кухню. Чаю попьем, заодно все и обсудим.

Марине хозяин понравился. Небольшого роста, худощавый, несмотря на вечернее время – чисто выбритый. Лицо интеллигентное, улыбка приятная. Умные внимательные

глаза за стеклами очков.

Когда чай был налит, а короткая процедура знакомства закончена, Бойко сказал:

– Предлагаю сразу перейти к существу вопроса. Надеюсь, Савелий объяснил вам, что я сейчас крайне ограничен во времени. Международный шахматный турнир, одно из наиболее значимых событий этого спортивного сезона.

– Тогда, может быть, и не нужно... – сразу же вспыхнула Марина, пытаюсь подняться со стула.

– Все нормально, – мягко усадил ее на место хозяин. – Пейте лучше чай. Я упомянул про недостаток времени лишь потому, что надеюсь решить вашу проблему в кратчайшие сроки. И рассчитываю на вашу помощь.

– А я на вашу, если честно, – вздохнула Марина. – Васин так вас рекомендовал, так расхваливал! Я думала, вы посмотрите на меня и скажете – судя по пыли на кроссовках, вы живете в Черемушках, а синяки на руках говорят о том, что у вас дома живет взрослый бабуин. Закурите трубку и через пятнадцать минут назовете имя убийцы.

Бойко заразительно рассмеялся.

– Увы, я – не Шерлок Холмс. Куда мне до него. Да и что меня расхваливать – я же не модный аксессуар. Не курю трубку, и вообще ничего не курю. Не играю на скрипке и терпеть не могу, когда играют другие. Не знаю, чем отличается пыль в Черемушках от пыли в Мытищах. Впрочем, ваши кроссовки кое-что мне о вас рассказали. Например, что вы

недавно бросили посещать фитнес-клуб. Рискну даже предположить – из-за небольших проблем со здоровьем.

Марина уставилась на мужчину в очках.

– Это вы по кроссовкам определили?!

– А что, угадал?

– Угадали! Но каким образом?

– Предположил. Кроссовки очень дорогие, кое-что в этом я понимаю. Не для улицы – отчетливо спортивная модель. Изношенность и загрязненность тоже не уличная – либо хранились в персональном шкафчике фитнеса, либо, если у вас не было такового, держали в спортивной сумке. Но вот следы от зубов котенка или маленького щенка. Нет, все-таки котенка, щенков практически не отдают. Котенка дала подруга на время своего отпуска?

– Почему не мой собственный котенок?

– У вас нет традиционных для хозяев маленьких котят многочисленных царапин на руках. Далее. Будь это ваш котенок, вы ни за что не оставили бы такую дорогую обувь в коридоре. Котята и щенки – большие шkodники. Подобные промашки случаются с людьми, которые не привыкли к животным в доме.

Кроме того, выкладывали вы кроссовки из спортивной сумки в расстроенных чувствах – переживали, что пока не придется активно заниматься спортом. О котенке просто забыли. В общем, маленький негодник успел подпортить обувь, которую вы решили принести из фитнеса. Ну а теперь,

когда на этой прекрасной коже видны многочисленные следы острых зубов, вы решили превратить их в повседневную обувь, хотя и было очень жалко.

Марина слушала его, разинув рот.

– А почему вы думаете, что ходить в фитнес я не буду из-за проблем со здоровьем?

– У вас же наверняка годовой абонемент. А сейчас не январь месяц. Ну, вот и ответ. Какие еще причины, кроме проблем со здоровьем, заставят молодую энергичную девушку отказаться от посещения фитнеса задолго до окончания срока абонемента?

– Я потрясена! – воскликнула Марина.

– Да, кстати, – улыбнулся Бойко, – хочу заметить, что синяки на ваших запястьях не от лап бабуина. Догадываюсь, мой добрый друг и ученик Савелий Васин хватал вас за руки, уговаривая простить его. И, как всегда, не рассчитал силу. Знаете, я всегда с удовольствием брал его на задержание особо опасных преступников – у Васина хватка такая, что вырваться невозможно.

– Да ладно вам, Юрий Иванович, – подал голос все это время молчавший Васин.

– Ничего, – буркнула Марина. – Мне помогают современные технические устройства.

– Ну, будем считать, что теперь мы имеем представление друг о друге, – подвел черту Бойко. – Итак, Марина, рассказывайте, что привело вас ко мне.

* * *

– Я – хедхантер. Вы знаете, кто такие хедхантеры?

– Это относится к делу?

– Иначе я не стала бы спрашивать.

Бойко поправил очки, слегка откашлялся и ответил:

– В общих чертах, конечно знаю. Охотники за головами.

Люди, чья профессия – переманивать хороших специалистов из одних компаний в другие.

– В принципе верно, – кивнула Марина. – Хотя такое определение слишком поверхностно. Тут много есть всяких нюансов.

– Как в любой другой профессии, – спокойно заметил Бойко.

– Ну, это не совсем обычная профессия, – воодушевилась Марина. – Потому я ее и выбрала. Дело даже не в том, что она престижная и хорошо оплачивается. Хедхантинг – опасное и увлекательное сафари. Стремительная гонка, где выживает и побеждает наиболее сильный, смелый и умный.

– Вы относите себя именно к такому типу?

– Безусловно.

– Любите опасности?

– Не то чтобы опасности... Я люблю азарт погони, риск. Люблю преодолевать трудности, решать сложные задачи. И очень люблю побеждать. Я по-настоящему счастлива, когда

сложная работа успешно выполнена.

– Это хорошие качества для карьеры.

– Я так подробно рассказываю, потому что в ваше время таких специальностей не было. И связанных с ними проблем тоже.

– Да, здесь, наверное, вы правы, – вздохнул Бойко.

– Если бы человек, из-за которого все произошло, понимал, как сейчас работают с персоналом, ничего бы и не случилось. Видите ли, он примерно вашего возраста. Может, чуть постарше.

– Погодите, – прервал Бойко Марину. – Давайте все с самого начала. Не перескакивайте с одного на другое, а то я не смогу понять, что произошло.

– Да-да, конечно. Так вот, хедхантеры, или просто хантеры, как нас чаще называют, занимаются поиском и перемаживанием ключевых менеджеров и руководителей высшего звена. Короче говоря, людей, которые эффективно развивают бизнес своих компаний. Именно на них держится вся работа, и именно от них в основном и зависит успех компании на рынке.

Но дело это тонкое. У нас все, как у шпионов: разведка, вербовка и так далее. Одни хотят заполучить классного, иногда – вообще уникального специалиста. А те, у кого он уже служит, не желают с ним расставаться. Хантер всегда балансирует на острие ножа.

– Предлагайте больше денег! – подал голос Васин. – И

уникальный специалист с потрохами ваш. Тоже мне, проблемы.

– Да-да, – вздохнула Марина, едва посмотрев в его сторону. – Вполне в твоём духе. Ты ведь знаешь только два способа склонить людей к сотрудничеству – либо деньги в зубы, либо пистолет к затылку. Если бы все было так просто, то нас не держали бы в штате. Специалисты, за которыми идет охота, и так не бедствуют. Работодатели всем необходимым их обеспечивают. Здесь мы включаем иные механизмы. Иногда такие пьесы разыгрываем – Шекспир отдыхает.

– По-моему, мы снова отвлеклись, – деликатно напомнил Бойко.

– Ну да, конечно. Это все Васин! Вечно вставляет дурацкие замечания. Миллион раз рассказывала ему о своей работе, а он до сих пор думает, что я менеджер отдела кадров и перекладываю с полки на полку папки с личными делами. Надеюсь, вы-то понимаете, что это не так?

– Теперь понимаю. И с нетерпением жду продолжения рассказа.

– Пару лет назад я надумала расширить диапазон своих профессиональных возможностей. Помимо хедхантинга я увлеклась темой стрессовых собеседований. Представьте, что это такое?

– Специально подготовленными вопросами ввести человека в стрессовое состояние с целью получения необходимых сведений о нем. Много лет применяется на допросах, –

прокомментировал Бойко.

– Правда? – удивленно посмотрела на него Марина. – Но ведь это технология, которую начали внедрять специалисты по работе с персоналом лишь... Впрочем, извините, я забыла, что спецслужбы всегда первыми используют новые разработки.

– Новое – лишь хорошо забытое старое, простите за банальность. И потом, выражаясь современным языком, допрос и собеседование – разные форматы. Хотя мне интересно, как ваши топ-менеджеры ведут себя на подобных собеседованиях.

– Как? Примерно так же, как повели бы себя вы, если бы я стала говорить гадости, задавать глупые, иногда откровенно идиотские вопросы, всячески пытаться вывести из себя, в общем – проверять реакции претендента на сложную ситуацию.

– По манере общения чувствуется, что вы достигли определенных успехов на этом поприще, – улыбнулся Бойко. – Думаю, мой молодой друг Савелий в полной мере ощутил результаты вашего профессионального роста.

– Мужской шовинизм! – вскинулась Марина. – Если вы хотите сказать...

– Ничего, кроме того, что сказал, – решительно прервал ее Бойко. – Продолжайте, пожалуйста. Думаю, сейчас пойдет речь о главном, ради чего мы здесь собрались.

– Меня хотят посадить в тюрьму! Вот что главное. Меня

даже, может быть, расстреляют!

– Марина, – снова вмешался Васин. – Я же тебе сто раз все объяснял и статьи кодекса показывал. Смертной казни в нашей стране нет. Максимальное наказание – пожизненное заключение. Но тебе даже оно не грозит.

– Не знаю, грозит или не грозит, но следователь меня только этим и пугал. То орал, как сумасшедший, то уговаривал признаться, что я убила человека. То есть довела до самоубийства.

– Это было стрессовым собеседованием, – не удержался Васин. – Успокойся.

– Твои увещевания меня совсем не успокаивают! – Марина обожгла Васина ненавидящим взглядом. – Ведешь себя, как нянька, у которой дитяtko коленку разбил!

Однако надвигающуюся бурю решительно предотвратил Бойко.

– Савелий, марш в мой кабинет и сиди там, пока я тебя не позову. Марина! Допейте чай, успокойтесь. Про вашу профессию я уже все понял. Теперь расскажите мне, только последовательно – кто, по какой причине обвиняет вас в смерти человека и хочет посадить в тюрьму. И пожалуйста – максимально подробно.

* * *

– Послушай, Свет, – с порога заговорила Марина, ворвав-

шись в кабинет заместителя начальника кадрового департамента Лидиной. – Созвонилась я с этим Новокшановым. Завтра придет на собеседование, если ничего не забудет и не перепутает. Ну и фрукт, скажу тебе. Где ты его раскопала?

Лидина, неторопливая полная блондинка, подняла на нее выразительные серые глаза и, слегка растягивая слова, ответила:

– Это не я, а Шершуков. Вице по маркетингу. Сказал, что Новокшанов какой-то обалденный специалист в области разработок новейших компьютерных программ. Только просил нас слегка прощупать его – на совместимость в коллективе, стрессоустойчивость и так далее. Он лично его не знает, рекомендовал кто-то.

– Странно, – пожала плечами Марина. – На меня он произвел впечатление дремучего невежды. Когда я попросила его скинуть свое резюме, он долго выпытывал, что я имею в виду. Не могу понять, как вообще он может что-то изображать в компьютерных технологиях. Знаешь, сколько ему?

Лидина отрицательно покачала головой, одновременно давая понять, что готова выслушать сенсационную информацию.

– Шестьдесят четыре года! Он, наверное, впервые компьютер увидел, когда разменял пятый десяток.

– Да брось! – отмахнулась Лидина. – Такого быть не может.

– Говорю тебе. Шершуков вообще-то в курсе, кого нам

подбросил?

– Сказать по правде, он намекал, что человек это немолодой. Я думала – сорок, ну сорок пять.

– Сто сорок пять! Не знаю, что завтра делать.

– Плюнь. Помучай дедушку немного и напиши положительное заключение. Его так и так оформят. Если Шершук что-то задумал, он все равно через генерального прощит решение. Он и отвечать будет, в случае чего. У нас поважнее есть дела. Надо любыми путями перетянуть в нашу фирму главного аналитика «ЛайтМарк». Поручено тебе, гордись. Завтра же начинай заниматься, чтобы к осени он уже работал на нас. А собеседование с этим Новокшановым пусть Мила Васильева проведет, она сейчас все равно ничем не занимается. Потренируется заодно.

– Здорово! – обрадовалась Марина. – Считай, что аналитиком уже занимаюсь. Побегу досье на него готовить. А собеседование все-таки проведу. Времени много не займет, думаю в полчаса уложиться, тем более это чистая формальность. Но как научный эксперимент пригодится. Готовлю материал для диссертации, а когда еще такой возрастной экземпляр попадется?

Виктор Андреевич Новокшанов всем своим видом демонстрировал, что не желает производить благоприятное впечатление на кого бы то ни было. Одетый старомодно и небрежно, если не сказать – неряшливо, он вдобавок ко всему не пользовался средствами личной гигиены типа специ-

альных кремов, дезодорантов и туалетной воды, что при его комплекции и повышенной потливости было бы весьма кстати. Зато он без конца вытирал взмокшую лысину и покрасневшее лицо огромным носовым платком, который через три минуты после начала собеседования смело можно было отжимать в тазик. Но и это было не все. Когда Новокшанов наклонялся в ее сторону, пот с его плохо выбритого подбородка капал прямо на полированную крышку стола. И каждая упавшая капля была подобна гвоздю, который вколачивали ей прямо в сердце.

Марину, которая провела сотни собеседований, встреч и переговоров с самыми разными людьми, впервые за все время ее карьеры начало мутить.

Может, поэтому она была с ним чуть более жесткой и нетерпимой, чем обычно. Стараясь не смотреть на сидящего перед ней в кресле обильно потеющего толстячка, она перешла, собственно, к стрессовому собеседованию. Но в итоге стресс испытала она сама. Первые, самые простые и невинные вопросы привели Новокшанова в замешательство. Он толком не смог ответить ни на один из них. К примеру.

– Почему вы ушли с предыдущего места работы? Что вас там не устраивало? – спросила Марина.

После трехминутного сопения он ответил:

– Меня там все устраивало.

– И все же вы ушли?

Еще минута молчания.

– Ушел.

– Объясните почему. Что-то, значит, не устраивало? Какие были причины? Вас обидели? Не захотели повысить зарплату? Обошли должностью? Не приняли вашу идею?

Молчание и сопение в течение нескольких минут.

– Обязательно должны быть причины?

– А вы просто так, от нечего делать уволились?

– Примерно так.

– Как вас понимать?

– Так и понимайте. Уволился, и все.

– Вы не хотите разговаривать на эту тему? Вам больно? Это вызывает неприятные воспоминания?

– Почему? Я же разговариваю с вами. Все нормально. Никаких воспоминаний.

И все в таком же духе.

А дальше и вообще все пошло наперекосяк. Кандидат на одну из руководящих позиций в холдинге то впадал в ступор, то едва не впадал в панику, хотя для этого не было никаких оснований. При этом он без конца чертил на столе какие-то знаки или закорючки.

В какой-то момент измученная происходящим Марина буквально зарычала на толстячка, чтобы растормошить его и хоть немного привести в норму. В этот момент ей показалось, что Новокшанов сейчас просто выскочит из кресла и убежит от нее куда глаза глядят. Естественно, уже не могло быть и речи о том, чтобы проверять его на стрессоустойчи-

вость. Поэтому Марина, раньше времени свернув процедуру собеседования, сказала:

– Спасибо, можете позвонить мне завтра, я сообщу о результатах. Уверена, все будет отлично, и тогда я направлю вас к секретарю для оформления необходимых документов. – Реакция толстячка на эти вполне благожелательные слова была странной. Он вдруг изменился в лице, бросил на удивленную Марину недобрый взгляд, подхватил свой портфель и выскочил из переговорной, даже не попрощавшись.

* * *

– Я помню, что вы не курите, но... Позвольте мне закурить, а то я начинаю нервничать, когда вспоминаю все это.

– Пожалуйста, если хотите, – сухо отозвался Бойко. – Мне не помешает. Рассказывайте дальше.

– Так вот, – Марина затянулась и выпустила в потолок тонкую струйку дыма. – Увидев, что его сбил автобус, я выскочила на улицу. Сама не понимаю зачем. У перехода, на мостовой, где лежал Новокшанов, уже было много народа. Я решила дождаться полиции и рассказать им все, что видела из окна. Ну и вообще, как он здесь очутился. Вероятно, я совершила большую ошибку. Во-первых, следователь сразу же заподозрил меня и теперь ведет дело к тому, что я чуть ли не своими руками загнала его под колеса. Я уже дважды была на допросах и поняла, что просто так от меня не отста-

нут. Родственники Новокшанова теперь тоже требуют, чтобы меня отдали под суд – мол, я довела его своим стрессовым собеседованием до невменяемого состояния, и он выскочил на проезжую часть, не соображая, что делает. А на работе меня обвинили в том, что я нарушила корпоративную этику. Новокшанов погиб вне нашего офиса, поэтому компания не должна страдать из-за этого. Вчера же меня попросту уволили. Чтобы дистанцироваться от меня и предстоящего уголовного процесса. Наверное, они правы. Не высунься я со своими показаниями, может, пронесло бы. Несчастный случай, и все. А откуда и куда он шел – какая разница.

– Ошибаетесь, – возразил Бойко, задумчиво глядя в окно. – Даже самое поверхностное следствие докопалось бы, откуда он возвращался. Все равно история должна была всплыть. Даже хорошо, что вы сами туда прибежали, вам это в плюс. А работодатели всегда одинаково трусливы в таких случаях. Не исключено, что они потом пожалеют об этом.

«Вот уж фиг они пожалеют, – подумала Марина, погасив сигарету. – Много ты знаешь про работодателей». Она молча уставилась на своего визави, ожидая, что еще полезного он скажет. Ей вдруг показалось, что в процессе рассказа отношение к ней хозяина квартиры неуловимо изменилось. Радущие, любезность и приветливое внимание как будто уступили место холодноватой отстраненности и настороженности.

– Повторите, как звали погибшего? Полностью – фамилия, имя, отчество. Мне надо записать, – попросил Бойко.

В его голосе Марине почудилось легкое раздражение. «Странно, – подумала она, – с чего бы вдруг? Или мне просто уже все представляется в черном цвете?»

– Звали его Виктор Андреевич Новокшанов, – едва ли не по слогам произнесла Марина, чувствуя, что на смену страху и безысходности приходит обида. – Я на всякий случай прихватила с собой его резюме. Можете посмотреть.

– Что прихватили? – вяло переспросил Бойко, что-то черкнув в старенькой записной книжке, которую извлек из кармана. – А, понял. Оставьте на всякий случай.

Марина ждала, что сейчас великий сыщик забросает ее всякими хитроумными вопросами, как это любил делать следователь Горин. Однако ничего подобного не произошло.

– Мне необходимо проанализировать все, что вы рассказали, – заявил Бойко, поднимаясь и вежливо давая понять, что аудиенция окончена. – Надеюсь, Васин проводит вас до дома. Постараюсь до завтра навести кое-какие справки по этому делу. Оставьте свой телефон, я сам вам позвоню.

– Но как же? – расстроилась Марина. – Вы мне ничего не сказали... У вас же наверняка появились какие-то идеи. Я так надеялась...

– Завтра, – коротко бросил Бойко, делая неуловимое движение в сторону входной двери. – Все остальное – завтра.

Все свое разочарование Марина по дороге домой обрушила на Васина, который, вжав голову в широченные плечи, гнал машину по улицам.

– Я твоему гению сыска не понравилась, – глотая обиду, говорила она. – Он со мной так разговаривал, будто заранее решил, что я во всем виновата. Или он мне вообще не поверил! Он даже заметок никаких не делал, представляешь? Только имя погибшего в блокнот записал.

Она безнадежно махнула рукой.

– Марин, ну мало ли, почему он так себя вел, – пытался оправдываться Васин. – Может быть, углубился в собственные размышления, сосредоточился... Главное – он взялся за дело. Ой, погоди, что ты сейчас сказала?! Ну-ка, повтори!

Васин быстро свернул к обочине, резко затормозил и, развернувшись к Марине, изумленно уставился на нее. Та мгновенно всполошилась:

– Ну, что ты меня пугаешь? Ничего особенного я не сказала!

– Нет, сказала! Насчет того, что Бойко записывал на бумажке.

– Ну и что в этом такого странного?

– Дело в том, – негромко сказал Васин, глядя на Марину непривычно серьезными глазами, – что Юрий Иванович ни-

когда ничего не записывает, любую информацию запоминает с первого раза. Об этом в прокуратуре легенды ходили. У него феноменальная память. Понимаешь – не записывает. Никогда ничего!

* * *

Вернувшись домой и приняв душ, Марина присела к письменному столу. Надо было взять себя в руки и четко определиться с планами на ближайшее будущее. Хватит посыпать голову пеплом и без конца пережевывать случившееся. Пора действовать! Васин смотрит на своего Бойко, как на бога, но сама она полагаться на него не может. Она стоит двумя ногами на земле. Никто ей не нужен, она сильная женщина и справится сама.

Посидев полчаса перед компьютером, Марина составила замечательный план действий. Пункт первый. Найти хорошего адвоката. Пусть на него уйдут последние деньги, но он должен полностью реабилитировать ее.

Пункт второй. Начать поиски новой работы. В конце концов, она не собирается садиться в тюрьму, как бы этот вампир Горин ни угрожал.

Пункт третий. Разобраться со здоровьем. Шумы в сердце, которые в начале года у нее обнаружили, внушали тревогу. Может быть, сменить клинику? Поискать специалистов в Интернете и среди знакомых?

Пункт четвертый. Расстаться с Васиным. Будущего у них быть не может – он бабник и от своих привычек не откажется.

Пункт пятый. Подкараулить Хибарова и все-таки открыть ему нос. Предательство прощать нельзя!

Воплощение плана необходимо было начинать прямо с завтрашнего утра. Жизнь снова обретала смысл, а Марина – уверенность в себе. И впервые за последние несколько дней она крепко уснула.

Однако на следующий день начались такие чудеса, что Марина напрочь забыла про все свои благие намерения. Она только и хлопала удивленно глазами и едва поспевала вслед за стремительно разворачивающимися событиями.

Где-то около двенадцати часов ей позвонил следователь Горин.

– Не могли бы вы зайти ко мне через часик? – поинтересовался он столь умильным голосом, что Марина подумала, будто ее разыгрывают.

– Это вызов на допрос? – спросила она сурово. – Где повестка?

– Что вы, просто хотел с вами побеседовать. Приватно, без протокола.

– А вы точно – следователь Горин? – засомневалась девушка.

– Разумеется. Это же не шутки. Итак, я вас жду. Договорились?

Разговор в кабинете следователя, где Марина привыкла чувствовать себя узницей концлагеря, чья гибель – лишь вопрос времени, состоялся и вовсе удивительный. Ни словом не коснувшись привычной для них темы, Горин сказал:

– Что же вы, голубушка, ничего мне сказали о том, что знакомы с Юрием Ивановичем?

– С каким еще Юрием Ивановичем? – удивилась Марина. – И пожалуйста, не называйте меня голубушкой. Давайте официально, по имени-отчеству.

– Как – с каким? – всплеснул руками Горин, никак не отреагировав на последнюю просьбу. – Бойко звонил мне сегодня рано утром, интересовался смертью Новокшанова, про вас спрашивал.

– Ах, Бойко! Звонил, говорите? И про меня спрашивал? А вы что ответили?

– Мы обсудили ваше дело. Так, в общих чертах. Сами понимаете – при всем уважении, я не все могу по телефону рассказать.

Поговорив с Мариной еще минут двадцать о каких-то малозначительных вещах, Горин воскликнул:

– Совсем упустил из вида. Ведь Бойко ко мне буквально через полчаса обещал заехать. Хотите с ним повидаться?

– Нет, спасибо, – отказалась Марина. – Мы вчера вдоволь наговорились. Вы уж тут сами... Я лучше пойду.

– Идите, голубушка, если торопитесь. Я передам от вас поклон Юрию Ивановичу.

– Кланяйтесь, конечно, – пробормотала изумленная Марина, даже не обратившая в этот раз внимания на «голубушку». Подхватила сумочку и едва ли не бегом покинула кабинет Горина. – Форменные чудеса, – прошептала она уже на улице, пытаясь отдышаться.

Едва она добрела до машины, как зазвонил телефон. Марина посмотрела на дисплей и лишилась дара речи – звонил Хибаров. «Ах наглец, да как он смеет! Ни за что не возьму трубку, – твердо решила она. – Пусть хоть обзвонится. Небось, собирается прощения вымалывать, рассказывать, как самоотверженно он пытался меня отстоять. Слизняк, слышать не хочу».

Хибаров позвонил пять раз подряд, потом уgomонился. Прошло несколько минут, и телефон зазвонил снова. Номер был Марине неизвестен, и она ответила.

– Мариночка, – раздался в ухе знакомый ноющий баритон. – Это Хибаров. Звоню тебе с запасного телефона. Знаю, после всего ты не хочешь со мной разговаривать, но я по очень важному делу, выслушай меня!

Марина, не произнеся ни звука, прервала разговор. Спустя непродолжительное время телефон зазвонил опять. И снова незнакомый номер, но уже другой. «Неужто у Хибарова десяток левых телефонов? – пронеслось в голове Марины. – Ну, сейчас я ему выскажу все, что о нем думаю!»

– Ах ты, мерзкий предатель, крыса ты двуличная! Если еще раз посмеешь набрать этот номер, я тебя придушу соб-

ственными руками!

– Простите, это госпожа Колыванова? – раздался на другом конце незнакомый мужской голос. Голос был очень приятный, весьма интеллигентный и совсем не хибаровский.

– Ой, извините, – пискнула от неожиданности Марина. – Это я не вам! Думала, звонит один нехороший человек.

– Я так и понял, – хмыкнул незнакомец. – Вы человек эмоциональный, с повышенной возбудимостью. Видимо, поэтому и проблемы с сердцем. Простите, не представился. Семанский Михаил Львович, заведующий отделением Института сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева. Звоню вам по просьбе моего старинного приятеля Юры Бойко. Он сказал, вам нужна консультация специалиста. Я готов принять вас завтра с шестнадцати до восемнадцати часов. Запишите адрес и телефон?

– Большое спасибо, – растерянно пробормотала Марина.

Положив трубку, она принялась лихорадочно размышлять: «Как все это понимать? Какую игру затеял Бойко? Что он вообще за человек? Можно ли вручить ему свою судьбу или нет?» Ее размышления прервал новый телефонный звонок. Лидина!

– Мариша, здравствуй. Ты чего с Хибаровым поговорить не хочешь?

– Да пошел он со своими разговорами! Мне он больше не начальник, а как мужик так просто противен. Поэтому мне его хочется просто послать подальше.

– Как я тебя понимаю! И все-таки очень прошу: поговори с ним. Он ко мне сегодня сам прибежал, представляешь? Не вызвал к себе, а своими ногами пришел. Умолял позвонить тебе и уговорить с ним пообщаться.

– Не раньше, чем сделаю ему «сливку»!

– Чего-чего?

– Мечта у меня такая – схватить его за нос и сильно сжать, до синяка. Просто и эффективно. Без фатальных травм, но чтобы запомнил на всю жизнь. Так чего ему приспичило, не знаешь?

– Знаю. Емельяненко поручил донести до тебя кое-какую информацию. А Хибаров его боится до судорог.

– Передай – если надо, пусть сам Емельяненко и звонит, – храбро ответила Марина, уверенная, что такого не случится никогда.

Но это случилось.

– Марина, здравствуй. Это Вадим Емельяненко, – услышала она в трубке спустя несколько минут. – Я тебя беспокою вот по какому поводу. Тут Хибаров немного погорячился относительно твоего увольнения. И еще кое-кто вместе с ним. Не посоветовались, вот и накосячили. Короче, если у тебя не появилось других предложений, можешь вернуться в «Венко». Эти дни оформим тебе как оплачиваемый отпуск. Хочешь – приплюсуй к ним еще недельки две, на реабилитацию. Фирма оплатит.

– Я подумую, – едва вымолвила одуревшая от происходя-

щего Марина.

– Подумай, а как решишь – звони прямо мне. Договорились? Ну, до связи. И Юрию Ивановичу привет от меня! Даже не подозревал, что он тебя опекает.

Емельяненко хмыкнул и повесил трубку.

Потрясенная Марина опустилась на ближайшую скамейку. Вечер еще не наступил, а ей уже жутко захотелось напиться. Наверное, стоило позвонить Бойко, но она пока даже не знала, как ей себя вести и что говорить. Удивляться? Восхищаться? Рассыпаться в благодарностях? В итоге она решила, что пока не готова к общению с Юрием Ивановичем.

В этот момент раздался телефонный звонок – номер снова был незнакомый. На сей раз это вряд ли был ненавистный Хибаров, поэтому Марина ответила.

– Это Бойко, – послышался резкий и даже, как показалось Марине, казенный голос.

– Я как раз хотела вам звонить, – быстро заговорила она. – Знаете, я вам очень благодарна...

– Не стоит, – сурово прервал ее Юрий Иванович. – У меня нет времени, давайте по существу. Я хочу задать вам парочку дополнительных вопросов.

– Пожалуйста, – откликнулась она немного обиженно. – Задавайте.

Ответив на дополнительные вопросы, девушка еще раз попыталась поблагодарить Бойко, но тот не очень вежливо положил трубку.

«Вот странный тип, – подумала она. – С одной стороны, такая забота обо мне, такое участие в моих делах, с другой – неприязнь, граничащая с грубостью».

Марина набрала Васина – надо же было понять, что происходит. Временно, пока он не прояснит ситуацию, она решила не давать экс-жениху окончательную отставку. Васин, так и не узнавший об этих коварных замыслах, очень обрадовался, но сказал, что сейчас занят и перезвонит попозже. У него есть какая-то важная информация.

Плюхнувшись за столик ближайшего кафе, Марина решила все-таки взять ситуацию под контроль, потому что сейчас она развивалась хоть и благоприятно, но как-то неуправляемо.

Оставив дела сердечные, в смысле кардиологии, на завтра, она решила посвятить ближайшее время вопросу своего трудоустройства. Конечно, было приятно, что ей предложили вернуться, а всякие там Хибаровы оказались посрамлены. Вроде бы справедливость восторжествовала, хотя оставалось загадкой, отчего руководство холдинга, ранее не замеченное в мягкосердечии и человеколюбии, вдруг резко поменяло свое мнение об опальной сотруднице.

Однако искушенная в кадровых баталиях Марина твердо решила не возвращаться, прекрасно понимая, что ничего хорошего в «Венко» ее уже не ждет. Все сделают вид, что ничего не произошло, однако скандальную историю не забудут и при случае напомнят. Доброжелатели найдутся, таковы

правила игры в любом офисе. К тому же начальник, вынужденный изменить решение под чьим-то, пусть даже мягким, давлением – враг до конца дней.

Поэтому Марина сделала несколько звонков, отослала резюме в пару надежных кадровых агентств, где ее хорошо знали, и договорилась о встрече через два часа с руководителем кадрового департамента крупной торговой сети. Пока все складывалось удачно. К вечеру она имела четыре приглашения на собеседование и одно конкретное предложение работы с вполне статусной должностью и очень хорошей зарплатой. Все остальные проблемы как-то незаметно отошли на второй план, что было не так уж и плохо. И только ночью, ложась спать, Марина вдруг вспомнила, что Савелий ей так и не перезвонил. Не было больше звонков и от Бойко, хотя сегодня он незримо, но довольно лихо поучаствовал в ее судьбе.

«Вот дура, – обозлилась на себя Марина. – Конечно, надо было самой позвонить, поблагодарить. Заодно что-нибудь и узнала бы». Тут же все страхи, которые мучили ее в последнее время, вновь вылезли на поверхность. Почему не позвонил Васин? Удалось ли его бывшему боссу выяснить что-то новое про смерть Новокшанова? А вдруг все безнадежно и никто не хочет сообщить ей дурные известия?

Мучаясь тревожными мыслями, она долго ворочалась и лишь под утро забылась тревожным сном.

Телефон зазвонил, когда Васин парковал машину в гараже.

– Савелий, ты проводил Марину?

– Да, Юрий Иванович, конечно.

– Ты мог бы приехать ко мне? Прямо сейчас. Поговорить надо.

Бойко говорил жестко, требовательно и, как показалось Васину, слегка враждебно.

«Что могло произойти за это время? – размышлял он по дороге. – Что так его рассердило или расстроило? Скорее всего, он собирается отказать Марине в помощи. Либо она ему не понравилась, либо чем-то разозлила. Второе – вероятнее всего. Марина умеет вывести из себя кого угодно».

– Ну, чего у тебя лицо, будто ты прибыл с кладбища? – поприветствовал Юрий Иванович своего воспитанника, открывая дверь.

– Ничего, нормальное лицо. День сегодня такой выдался.

– Давай проходи на кухню. Что будешь пить?

– Кофе, только покрепче.

– Это на ночь глядя? – укоризненно покачал головой Бойко.

– Да я пока ложиться не собираюсь.

Васин помялся немного и, наконец, не выдержав, выпал.

лил:

– Юрий Иванович, что случилось? Наверное, Марина... Вы не беретесь за это дело?

Бойко, насвистывая какой-то мотивчик, стал прогуливаться вдоль окна. Остановился, глянул куда-то вниз, в темноту двора. Затем, не поворачиваясь, глухо сказал:

– Пока не знаю. Поэтому и просил приехать именно сейчас. Мне надо тебе кое-что растолковать. Виктор Новокшанов, человек, погибший под колесами автобуса, – мой друг. Друг детства, хотя и постарше немного.

Бойко развернулся, сделал несколько шагов и остановился перед Васиным.

– Мы с Витей росли в одном дворе и ходили в одну школу. Мне сейчас очень тяжело, поверь. Однако я обдумал ситуацию и пришел пока к промежуточному решению. Хочу тебя с ним познакомить. Ты готов спокойно выслушать меня?

– Безусловно, Юрий Иванович, – ответил Савелий, ссутулив широкие плечи и глядя в пол.

– Итак, на сегодня для меня ситуация выглядит следующим образом. Погиб хороший человек. Как бы к нему ни относилась твоя подруга, я знаю, что это был замечательный, умный, талантливый и добрый человек. Причин его смерти, на первый взгляд, может быть две. Первая – непредумышленное убийство или, что будет точнее в нашем случае, доведение до самоубийства. Вторая – никем не спровоцированный несчастный случай. Я проанализирую оба варианта, свя-

жусь кое с кем, кого еще не поздно потревожить по телефону, наведу справки. Завтра я приму решение и сообщу тебе об этом.

Если это несчастный случай и никто не виноват – я берусь вытащить Марину из этой кошмарной передряги. Но если приду к выводу, что она своими действиями довела Витю до самоубийства или пусть даже до состояния, в котором он уже не мог себя контролировать и потому попал под автобус, что ж...

Тогда я приложу все силы и добьюсь того, чтобы твоя приятельница была наказана по всей строгости закона. Прости, Савелий, но иначе я не смогу. Ты сам вовлек меня в эту историю, но я бы все равно об этом скоро узнал, так что – это судьба. Что скажешь?

Раздался оглушительно звонкий шлепок – Васин изо всех сил саданул кулаком правой руки в открытую ладонь левой. Затем, глядя на Бойко, почти простонал:

– Ну почему именно она? И почему именно ваш друг погиб? Что за невезуха!

– Савелий, прекрати, еще истерик тут не хватало. Я тебе объяснил, в чем состоит проблема. Но ведь наша с тобой задача – решить ее, а не причитать, стонать и лупцевать себя кулаками. Мы не знаем пока ответа на главный вопрос – что на самом деле случилось в тот роковой день.

– Могу я помочь, Юрий Иванович?

– Расследование будет частным, но ты – лицо заинтересо-

ванное.

– Постараюсь быть беспристрастным. Для меня это очень важно.

– Вот, совсем другой разговор. Конечно, куда же я без тебя? Тем более если ты помнишь – у меня сроки. Впрочем, Витина смерть меняет дело, я должен разобраться. Марине, пока я не приму окончательного решения, – ни слова. Согласен?

Васин покорно кивнул.

– Тогда – за дело. Начнем с мелочей, которые, как ты знаешь, очень важны в нашем сыщицком деле. Итак, первое – ты успел сдать мой билет?

* * *

Наутро Марина решительно отбросила все страхи и сомнения и попыталась сосредоточиться на главном. Главным сегодня были переговоры о новой работе. Она решила, что в настоящий момент это будет лучшим лекарством от всех посетивших ее несчастий. Вариант, о котором шла речь, был не самым завидным, однако как промежуточный вполне ее устраивал. Чуть позже, укрепив свои позиции и обогатив резюме свежей записью, можно будет начать поиск действительно стоящего места. Марина надеялась, что к тому моменту, когда она будет готова покорять новые карьерные высоты, скандальную историю забудут. Если, конечно, против-

ный следователь Горин снова не взбрыкнет и не посадит ее в тюрьму.

В десять сорок пять Марина вошла в мрачное серое здание, где располагалась компания «СМС». Вчера, когда позвонила приятельница Инна из кадрового агентства и озвучила предложение, Марина сначала возмутилась.

– Ты что мне предлагаешь? Серьезная организация не может так называться. Чем они занимаются – сотовой связью?

– Это солидная фирма, – обиделась Инна. – Сотовая связь тут ни при чем. В регионах им принадлежит несколько заводов, выпускающих сельскохозяйственную технику и еще какие-то машины.

– Почему тогда – «СМС»?

– Их объединение называется «Современное машиностроение», сокращенно – «СМС». Аббревиатура, понимаешь? Взяли первые буквы слов, составляющих название.

– В названии два слова, если ты от меня ничего не утаила. Машиностроение пишется слитно. Они должны называться СМ.

– Перестань придирааться. Подумаешь, захотели люди так назвать – и назвали. Тебе-то что?

– Ну, как – что? Безграмотно же!

– Тебе нужна работа?

– Да.

– Ты пойдешь на встречу?

– Конечно.

– Тогда не вздумай им с порога объявлять, что они безграмотные.

– Ты за кого меня принимаешь? Буду зайкой, а там посмотрим.

Ровно в одиннадцать Марину провели в кабинет заместителя генерального директора машиностроительного объединения «СМС» Сергея Андреевича Капелькина. Хозяин кабинета ел круассан, запивая его кофе из огромной фаянсовой чашки, которую украшала кудрявая надпись «Совет да любовь!».

Он был похож на бухгалтера какого-нибудь вагоноремонтного депо – лет сорока, невзрачный, с прилизанным чубом, одетый в мятый, давно нечищенный костюм.

– Садитесь, – произнес Капелькин и указал надкушенным круассаном на кресло справа от письменного стола.

– Приятного аппетита, – вежливо сказала Марина, продолжая стоять. – Может быть, мне попозже зайти? Я могу подождать в приемной.

– Што фы! – возразил Капелькин, продолжая жевать. – Шадитесь. Я шейчас, букфально через минуту.

Проглотив остатки круассана и сделав гигантский глоток из чашки, он широкой ладонью смахнул крошки слоеного теста с пиджака на стол, а со стола – прямо на пол. Приведя, таким образом себя и рабочее место в порядок, Капелькин развалился в кресле, достал из нагрудного кармана зубочистку, воткнул ее себе в зубы и принялся довольно на-

хально рассматривать сидящую перед ним Марину.

Несколько минут длилось молчание. Затем Капелькин лениво потянулся, сполз вниз по креслу так, что теперь над поверхностью стола были видны только его плечи и голова, похожая на репу. Через пару минут, когда молчание стало просто неприличным, он заявил:

– Значит, хотите у нас работать. В принципе, нам люди нужны. Вас рекомендовало серьезное агентство. У меня нет основания им не верить, однако...

Тут Капелькин начал столь активно орудовать зубочисткой, что Марина испугалась, как бы он не выломал себе пару-тройку зубов. Наконец, санация полости рта была благополучно завершена.

– Однако, – продолжил он, как ни в чем не бывало, – вы должны понимать, что работы много, от вас потребуется максимальная отдача.

Следующие пятнадцать минут Капелькин занимался словоблудием, ничего конкретного так и не сказав. При этом он постоянно ерзал в кресле и оглушительно шмыгал носом. Марина поняла, что пришел черед брать процесс переговоров под контроль. Во время одной из пауз, вызванных почесыванием бедра, она сказала твердо и решительно:

– Сергей Андреевич, большое спасибо, я прекрасно понимаю, какой объем работы мне предстоит выполнять, но прежде всего мы должны договориться о главном. Поэтому, если вас не затруднит, скажите, какую должность и зарплату

вы мне предлагаете.

– Должность? – Капелькин казался озадаченным. – Не знаю. Для начала, наверное, оформим вас менеджером по персоналу... Ну или что-нибудь в этом роде. Проявите себя, а там посмотрим...

Стараясь не терять присутствия духа, Марина медленно и внятно проговорила:

– В заявке агентству было сказано, что вам нужен руководитель службы по работе с персоналом. Именно поэтому меня и прислали. Строго говоря, моя специализация – хедхантинг. Но организация работы кадрового департамента или службы персонала мне хорошо знакомы. Так вам нужен руководитель службы?

– Хедхантинг? – удивленно покрутил головой Капелькин. – В каком это смысле?

– В смысле укрепления вашего машиностроительного объединения топ-менеджерами из других организаций.

– Ничего, хорошая мысль, – одобрил Капелькин. – Вот для начала и займитесь хедхантингом, если это у вас лучше получается. На нашем кисловском заводе по производству сельскохозяйственных машин – сеялок, комбайнов и так далее – не хватает высококвалифицированных слесарей-наладчиков. Хотя бы двух-трех. Поищите их, это будет очень полезная работа. В российской глубинке можно еще разыскать золотые рабочие руки...

Марина вылетела из ужасного офиса и понеслась по ули-

це, подалее от комбайнов, слесарей-наладчиков и отвратительного Капелькина. Ей необходимо было прийти в себя, прежде чем звонить в кадровое агентство и ругаться. Примерно час она отсиживалась в кафе, пила кофе и нервно курила. Ей было до слез обидно... И страшно! Кажется, ее карьера полетела под откос, и все из-за непонятной, необъяснимой смерти Новокшанова. Если Бойко не разберется в этом деле и не реабилитирует ее, не видать ей больше хорошей должности и любимой работы как своих ушей.

Подруга Инна из кадрового агентства долго вздыхала в телефонную трубку, потом взяла время для размышления и, наконец, позвонила с предложением:

– Кажется, я кое-что нашла. Одному банку нужен человек для собеседования с кандидатами на руководящие должности среднего звена и выше. Только сегодня прислали заявку. Им, как и тебе, надо срочно. Предупреждаю – у них требования для претендентов на должности завышенные. Но их интересует как раз вариант стрессовых собеседований. Ты же специалист теперь в этой области. Может, поработаешь пока? Деньги приличные, позиция статусная, рабочий день планируешь сама, отчитываешься перед главой кадрового департамента. С месячишко перекантуешься, а там как раз и место соответствующее тебе подыщем. Хедхантинг, как ты желаешь. Согласна?

– Ладно, давай, пусть будет банк. Заодно попрактикуюсь. Опять же – для диссертации сгодится.

– Так я звоню им, договариваюсь?

– Звони.

Еще через два часа Марина уже сидела в кабинете начальника кадрового департамента «Ритейлпромбанка» и подписывала договор. Видимо, специалист ее профиля действительно требовался незамедлительно, и ее не подвергли традиционной для таких организаций проверке. С другой стороны, брали ее пока на договор, может, поэтому и строгостей таких пока не было. В любом случае, Марине вместе с временным пропуском вручили и список кандидатов для собеседования. Договорились, что к работе она приступит прямо завтра с утра.

* * *

– Савелий, приветствую тебя. Это Бойко. Ты занят?

– Есть немного, – раздался задушенный шепот Васина. – Присутствую на следственном эксперименте. Сейчас отойду в сторонку, чтобы можно было разговаривать.

Послышалось шуршание, после чего Савелий заговорил уже в полный голос.

– Вот, теперь могу говорить нормально. Юрий Иванович, не томите – вы приняли решение? Я уже весь извелся.

– Бедолага, – хмыкнул Бойко. – Посмотришь на тебя – глыба льда, атлет. А на деле – тургеневская барышня.

– Ладно вам, – обиделся Васин. – Вы же все понимаете.

– Даже больше, чем ты думаешь. Ты сделал, что я тебя просил?

– Конечно, и готов вам доложить.

– Погоди. Давай встретимся вечером у меня дома. Сможешь?

– Обязательно буду. Так все-таки – что вы решили относительно Марины? Она мне звонила, а я не знаю, что ей сказать. Отговорился делами, но она ждет звонка.

– Все тебе расскажу при встрече. Главное, как я тебе уже говорил, буду в частном порядке расследовать смерть Вити Новокшанова. Кстати, Марина уже некоторым образом подготовлена. Мне пришлось ей вчера позвонить и задать несколько вопросов. У нее, я догадываюсь, возникло некоторое недоумение и непонимание происходящего. Надеюсь, скоро ты сможешь ее порадовать.

– В смысле? – забеспокоился Савелий.

– Я ведь плотно пообщался с Гориным. Ты же знаешь, что он ведет ее дело?

– Разумеется. Я ему при случае шею сверну. Подходил к нему, просил разобраться, внимательно отнестись к человеку, так он мне лекцию прочитал о кодексе чести и внутрикорпоративной этике. Как будто мы в разных ведомствах трудимся, и я к нему с улицы зашел.

– Васин, ты готов любому свернуть шею и запросто можешь это сделать. Но применение силы не всегда помогает в делах. В общем, Горин мне кое в чем помог. Еще я сам

немного покопался в этой истории. И пришел к некоторым интересным выводам. Между прочим, один из руководителей холдинга «Венко», где работала Марина, – Емельяненко. Он у меня в отделе когда-то начинал.

– Я не знаю, кто это.

– Потом узнаешь. Тебе будет полезно с ним познакомиться. Если бы парень не погнался за большим заработком, из него получился бы хороший оперативник.

– Юрий Иванович, не томите!

– Ладно, слушай про Марину. При всей своей напористой дерзости и профессиональной безжалостности она не могла довести Виктора до самоубийства или подтолкнуть к нему. Равно, как и не ввергла его в состояние, скажем так, немотивированной взрывчатости.

– Во что, во что она его не ввергла? – изумился Васин.

– Неважно, потом объясню. Что это за звук? Как будто мешок с картошкой уронили. Ты там, на радостях, не в обморок грохнулся?

– Да ладно вам смеяться-то! Это я случайно ударился плечом о пластиковую стойку. Значит, Марина невиновна?

– Степень виновности устанавливает, как ты знаешь, суд. А я в данном случае всего лишь независимый эксперт. Но мой предварительный вывод таков: твоя знакомая тут ни при чем. Надеюсь, мне удастся вытащить ее из этой истории без роковых последствий для карьеры. Кстати, будешь с ней разговаривать – просто сообщи, что я взялся за расследование.

И на этом пока все. Да, напомни, пусть обязательно покажется Семанскому.

– Кто это еще такой?

– Известнейший кардиолог. Ты ведь помнишь Маринины кроссовки?

– Кроссовки? Ну, допустим. А кардиолог-то при чем?

– Ясно, – вздохнул Бойко. – Савелий, у твоей приятельницы сердечко барахлит. Пусть подлечится, пока не поздно. А то работа у нее нервная, может вообще здоровье подорвать. На тебя одного сколько сил и нервов надо. Короче, напомни ей про Семанского.

– Ну вас, Юрий Иванович, с вашей таинственностью. Скажите лучше – смерть Новокшанова, это вариант номер два? Несчастный случай?

– Васин, ты же знаешь, я не люблю болтать о серьезных вещах по телефону. Встретимся, все расскажу подробно. Вчера я оказался недалновиден. Точнее – банально ошибся. Существует еще и третий вариант.

– Какой же?

– Убийство.

* * *

Вечер, когда Бойко узнал про смерть своего друга, можно было смело считать отправной точкой расследования. Едва Васин с лицом капитана, внезапно получившего назначе-

ние на «Титаник», отправился домой, Юрий Иванович начал действовать. Хотя время для деловых звонков было совсем неподходящее, ему удалось кое с кем переговорить. Однако главные события начались утром.

Со слов Марины Бойко знал фамилию следователя, который занимается изучением обстоятельств смерти Виктора Новокшанова. Быстро уточнив, что это его бывший коллега и давний знакомец Аркадий Горин, Бойко дозвонился ему, задал несколько первоочередных вопросов и договорился о встрече днем.

У Горина он сразу же, по телефону, выудил некоторое количество полезной информации. К примеру, выяснилось, что одну из ключевых должностей в «Венко», где работала Марина и куда пришел устраиваться Новокшанов, занимал Вадик Емельяненко, некогда стажировавшийся у Бойко в отделе. Это оказалось более чем кстати – Юрий Иванович хотел осмотреть место происшествия и поработать со свидетелями. А так как официальными полномочиями он для этого не обладал, помощь руководителя службы режима холдинга была очень кстати. Ведь компании, подобные «Венко», не желают допускать в свои дела даже государственных представителей, а уж тем более – частных сыщиков.

Емельяненко обрадовался звонку бывшего наставника и руководителя, заверил, что организует все наилучшим образом. А переговоры с начальством, если возникнут проблемы, проведет сам.

– Скажу, что дело взял под личный контроль гений отечественного розыска. Им это польстит, любят ребята иметь все самое лучшее.

– Можешь сказать, что меня подключили к расследованию в порядке шефской помощи. Как опытного ветерана, почетного работника прокуратуры.

– Нет, серьезно? Значит, с Гориным вы уже поговорили?

– Несколько минут назад трубку положил.

– Отлично. Приезжайте, я вас встречу. Только...

Тут Емельяненко слегка замялся, и Бойко властно поторопил его:

– Вадим, говори, что тебя смущает. Мы свои люди, пойдем друг друга. Вспомни, я тебя из-под пуль вытащил. Зачем нам сейчас какие-то игры?

– Такое не забывается, Юрий Иванович. Я у вас вот что попросить хотел: если обнаружите в этой истории хоть что-нибудь, угрожающее интересам холдинга, сообщите мне. Ну, сами понимаете...

– Понимаю. И обещаю – неприятностей у тебя не будет, – заверил его Бойко. – Ты знаешь мое слово.

В офисе инвестиционного холдинга Бойко провел время до половины первого. Внимательно все осмотрел, переговорил с охранниками, стоявшими на входе, с несколькими сотрудниками, изучил территорию перед зданием, походил вокруг места, где случилась трагедия. Он озадачил Емельяненко тем, что попросил сводить его на склад, где хранились

канцтовары, офисная мебель, новая и уже списанная, кулеры, кофемашины, а также щетки, тряпки, бытовая химия и другие хозяйственные принадлежности.

Из «Венко» Юрий Иванович напрямик направился к следователю Аркадию Горину, в кабинете у которого провел более двух часов. От него он вышел довольный, насвистывая «Путники в ночи». Сев в сквере на лавочку, сразу же принялся звонить по телефону. День складывался на редкость удачно. А к вечеру, после нескольких проведенных в разных концах Москвы встреч, Бойко решил, что настало время отправиться домой и в спокойной обстановке все проанализировать. По крайней мере, сейчас у него в активе – некоторое количество фактов и наблюдений, и над ними стоило поразмышлять. До утра нужно было решить, по какому пути пойдет расследование и на чьей стороне ему придется выступать.

* * *

– Видишь ли, Савелий, – сказал Бойко, поудобнее устроиваясь в любимом кожаном кресле. – Дело оказалось более сложным, чем я предполагал вначале. Я сегодня целиком сосредоточился на гибели Виктора. Материалы, с которыми меня ознакомил Аркаша Горин, показались мне недостаточными для подготовки обоснованного обвинения. Там зияли пробелы, которые необходимо было заполнить. Выводы, ко-

торые Горин делает на основании собранных доказательств, вроде бы очевидны. Однако меня они совсем не удовлетворили. Убежден, суд отнесся бы к ним так же.

– Он что, дело уже в суд направляет? – всполошился Васин, сидевший на краешке стула напротив Бойко. – Он обвиняет Марину?

– У него были такие намерения. До того, как мы с ним подробно разобрали всю ситуацию с самого начала. А уж после того, как обнаружилось... Слушай, не перебивай меня, давай изложу все по порядку. Так вот. Вывод, к которому я в итоге пришел, представляется вполне очевидным. Сейчас я тебе объясню, почему. Минуту.

Юрий Иванович поднялся, дошел до сервировочного столика и налил себе рюмку коньяка.

– Тебе не предлагаю, ты за рулем, – словно оправдываясь, сказал он Васину, сделал глоток и прикусил дольку лимона. Постоял немного, зажмурившись, тихонько выдохнул, затем мягко опустился в кресло. – Ты, Савелий, лучше других знаешь, в чем суть моего метода раскрытия преступлений.

– Парадигма Бойко, – понимающе кивнул Васин.

– Не стоит разбрасываться названиями, – проворчал Юрий Иванович. – Тем более – незаслуженно присваивать имена.

– У нас же все его так называют, ваш метод, – начал было оправдываться Васин, но Бойко сердито его перебил:

– Я не считаю себя первооткрывателем, и этого доволь-

но. Уверен, кто-то когда-то использовал подобную практику. Но меня этому не учили, я пришел к этому самостоятельно, много лет назад. И до сих пор для меня это единственно возможный способ понять преступника и проникнуть в суть его замысла. Мне обязательно надо оказаться на том месте, где готовилось или было совершено преступление. Я не герой Стивена Кинга, не могу впасть в транс и увидеть, как на волшебном мониторе, всю картину преступления. Но мне просто необходимо ощутить атмосферу места и, может быть, почувствовать то, что чувствовали и переживали преступник и его жертва.

– Знаю, Юрий Иванович, – тихо сказал Савелий. – Сам сколько раз был свидетелем. Никогда не забуду историю, которую потом называли «Смерть на высоких каблуках». Пришли в ту квартиру, все осмотрели, посидели какое-то время, а потом – раз, и преступник пойман. Просто фантастика! Вы мне тогда очень помогли.

– Не тебе, твоей приятельнице, – сурово отчеканил Бойко. – Впрочем, хватит истории. Займемся сегодняшними проблемами. И снова речь пойдет о твоей знакомой. Я тебя предупредил – это в последний раз!

– Юрий Иванович! – Васин молитвенно сложил перед собой руки.

– Да, так вот, относительно Марины. Версия, которую я отработывал первой, такова. Твоя девушка своими действиями в рамках данных ей служебных полномочий, а может,

и, превысив их, каким-то образом подтолкнула Виктора к мысли о самоубийстве. Или, как вариант, ввергла в состояние, когда он уже плохо контролировал собственные действия, что и привело к трагедии. Признаюсь честно – сначала я всерьез заподозрил твою подругу. Понаблюдав за вашими взаимоотношениями и немного пообщавшись с ней, я понял, что она, при желании, способна вынудить к суициду даже холодильник.

Васин начал было горячо возражать, но Юрий Иванович решительным жестом остановил его.

– Погоди, не кипятись. Я ведь еще не закончил. Поверь, никакой предвзятости здесь не было, только кое-какие первичные наблюдения, плюс некоторые познания в области женской психологии. Но...

Тут Бойко сделал почти мхатовскую паузу, затем тяжело вздохнул и продолжил:

– Но вскоре я понял – версия эта несостоятельна. Пересказывать весь ход моих рассуждений не буду – в этом сейчас необходимости нет. В общем, Марина и все ее титанические усилия по обработке персонала были ни при чем. Коротко говоря, она ни прямо, ни косвенно не содействовала гибели Новокшанова. Знаешь, почему? Во-первых, он уже находился в стрессовом состоянии до того, как пришел в офис «Венко». Чуть позже я расскажу, как выяснил это. Во-вторых, стрессовое интервью, по сути, не состоялось, Виктор сорвал его. Ну, а сорвал именно потому, что был, мягко го-

воря, не в себе, если верить рассказу Марины. Затем, повторив весь путь Виктора до места его гибели, я окончательно понял – вторая версия тоже весьма шаткая. О несчастном случае здесь, как мне представляется, говорить не стоит. Никакие факты не указывают на нелепую или трагическую случайность. Если бы он попал под колеса, переходя дорогу или, наоборот, автобус выехал на тротуар – другое дело. А какая же случайность, если человек начинает прыгать по мостовой? Скорее – неадекватность поведения. И вот тут я подумал, что это, скорее всего, главное и есть. Необходимо выяснить, почему Новокшанов так странно вел себя в день смерти.

С этого момента мои мысли активно потекли в ином направлении.

И вот теперь, обобщив собранные факты, выстроив в систему все найденные улики, в том числе те, которые обнаружены мной сегодня, проанализировав свои ощущения и впечатления, я пришел к парадоксальному, но весьма неприятному выводу. Может существовать еще одна версия.

– Убийство? – спросил Васин.

– Да.

– Вы уверены?

– Утвердительно ответить я смогу лишь тогда, когда у меня будут факты. А их пока нет. Есть лишь неясные ощущения. Что-то не склеивается, когда я пытаюсь выстроить логическую схему. Но ощущения к делу не подошьешь. Зна-

чит, надо копать дальше.

– Масса свидетелей утверждает, что Новокшанов сам попал под автобус, никто его туда не толкал.

– Этого я пока объяснить не могу. Но очень постараюсь.

– Тогда, может быть, объясните, кому это понадобилось?

Зачем?

– Вот это нам с тобой, Савелий, и предстоит выяснить в самое ближайшее время. Причем мы – в цейтноте. Помнишь, что это такое?

– Еще бы, – вздохнул Васин. – Я готов, как пионер. Но прежде, хоть в двух словах – почему вы решили, что Новокшанова могли убить?

– Двух слов маловато. Вот смотри. Переговорную Горин распорядился в тот же день опечатать, и открыли ее лишь накануне моего прихода. Так что атмосфера в общем и целом была сохранена. Я находился в той комнате более полутора часов и могу определенно сказать – там нет ощущения состоявшегося преступления. Иными словами: ни Марина, ни Виктор, находясь в переговорной, не были погружены в атмосферу преступного замысла.

– Юрий Иванович, – развел руками Савелий. – Я ведь не гений, как вы. Убейте, все равно не понимаю этих материй.

– Учись развивать интуицию, мой друг, – назидательно промолвил Бойко. – Этому можно научиться. Наукой она не исследована, но в нашем деле – весьма эффективный инструмент. Ну хорошо, сейчас я перейду к вполне конкретным ве-

щам. Во-первых, кулер и пластиковые стаканчики.

– Что-что? – изумился Васин.

– Кулер – это такой агрегат для очистки и охлаждения воды, – принялся объяснять Бойко. – А также...

– Я знаю, что это такое. Просто не понял, он здесь при чем?

– Сейчас поймешь. В портфеле Новокшанова и в кармане его пиджака были обнаружены влажные и смятые пластиковые стаканчики. Горин отчего-то не придавал значения этой находке, а меня такая странность заинтересовала. В самом деле, зачем таскать с собой в карманах и в портфеле использованные стаканчики? Благодаря Емельяненко, мне удалось опросить многих людей из компании «Венко», и вот что удалось выяснить.

Перед тем, как Марина заняла переговорную для собеседования с Новокшановым, там почти три часа шли деловые консультации с представителями одной зарубежной компании. Видимо, дебаты были очень жаркими, так как все пластиковые стаканчики для воды закончились. Секретарь принесла новую упаковку, однако не распечатала ее и не вставила стаканчики в специальный держатель, а просто положила рядом.

– Почему?

– Ей в этот момент позвонил кто-то из начальства, и она побежала исполнять срочное поручение. Впрочем, любой человек, который захотел бы попить воды, мог это сделать.

После стрессового интервью в переговорную больше никто не входил, а потом ее сразу опечатали. Тем не менее упаковка оказывается надорванной и в ней отсутствуют два стаканчика. И все бы ничего, но еще одна мелочь обратила на себя внимание – отсутствие мусорной корзины. Когда я поинтересовался, отчего такой непорядок, мне уборщица рассказала, что вынесла ее сразу после окончания встречи с иностранцами, но принести обратно не успела – Марина с Новокшановым уже сидели в переговорной. Вот она и решила не мешать, а занести корзину позже.

Знаешь, мне пришлось позвонить Марине и задать ей несколько уточняющих вопросов. Когда я спросил ее про воду, она очень удивилась и заявила, что ни она сама, ни ее собеседник воду не пили. Тем не менее использованные стаканчики найдены у Виктора в кармане и в портфеле. Почему же он унес их с собой? Только из-за того, что там не было корзины?

– Действительно, странно, – хмыкнул Васин. – Мог бы просто на столе оставить.

– А если не мог?

– Но почему?

– Вот! Интересный вопрос, и я попытался ответить на него. Во вчерашнем Маринином рассказе были кое-какие пробелы. Точнее, некоторые детали она опустила, так как посчитала их несущественными. А вот уже во время нашего сегодняшнего телефонного разговора выяснилось, Мари-

на дважды ненадолго выходила из переговорной.

– Для чего еще? – изумился Савелий.

– Психологический прием! Используется для расслабления испытуемого. Но дело не в этом. Получается, что каждый раз, когда Виктор ненадолго оставался один, он кидался к кулеру и пил воду.

– А затем прятал стаканчики?

– Да, затем прятал стаканчики.

– Но зачем?

– Для того, чтобы ответить на этот вопрос, пришлось провести небольшое расследование. Казалось бы, глупость – прятать стаканчики. Но вдруг не глупость, а необходимость? Тогда в чем проблема? Получается, Новокшанов не хотел, чтобы Марина узнала, что он пил воду. Очень странно, верно? Но если предположить, что он не пил воду, а что-то запивал водой, получается несколько иная картина, так?

Васин лишь моргнул, с изумлением глядя на Бойко.

– Что обычно запивают водой? Лекарства, таблетки. Среди личных вещей Новокшанова, насколько я помнил, никаких лекарств не было. Однако я решил внимательнейшим образом исследовать переговорную. И знаешь, я обнаружил эти таблетки, причем самым примитивным дедовским способом: ползая на карачках по полу. Только лупы с медной ручкой не хватало, а то было бы как в старинных криминальных романах. В общем, пара штук закатилась в щель между полом и плинтусом. Скорее всего, Виктор от волнения рас-

сыпал их.

Затем пришлось побеспокоить жену Виктора, которая рассказала, что муж действительно с недавнего времени стал принимать успокоительные препараты. Уходя из дома на собеседования, он прихватил новенькую упаковку. Я тут же связался с Гориным. И тот сообщил, что в вещах погибшего не нашли никаких лекарств.

Получается, что Виктор во время стрессового интервью выпил довольно большое количество успокоительных таблеток, но хотел это скрыть. Кстати, его заторможенность, на которую обратила внимание Марина, была, скорее всего, вызвана действием лекарства.

– Как же Горин все это проморгал?

– К сожалению, он был небрежен. И все потому, что сразу определил для себя виновного, – констатировал Бойко. – Вернее, виновную.

– Но что это дает нам в плане установления причины смерти? – оживился Васин. – Раз Новокшанов принимал таблетки, у него, наверное, нервишки шалили. Перед собеседованием разволновался, вот и наглотался таблеток. Между прочим – таблеточки эти не могли спровоцировать суицид? Неадекватность поведения и все такое?

– Как раз наоборот, их действие притупляет подобные реакции. Человек становится равнодушным, апатичным, не способным к активным действиям. Удивительно то, что, по свидетельству жены, Виктор мог выпить в день одну, от силы

– две таблетки. Он вообще к лекарствам относился настороженно, никогда ими не злоупотреблял. И потом, Савелий, задумайся – для чего ему потребовалось судорожно, по-воровски, употреблять таблетки уже во время беседы? До того – понятно. А так?

– Предыдущие не помогли, вот он и решил усилить эффект.

– Подскакивать к кулеру, глотать лекарства, бежать на место, засовывать в портфель или в карман стаканчик, рискуя тем, что его в любую секунду засечет появившаяся Марина? Он ведь и стаканчики прятал, чтобы она ни о чем не догадалась.

– Не понимаю, для чего он их прятал. Не мог сказать, что пить захотелось? Марина бы не удивилась. К чему такие сложности?

– Объясняю, но это уже из области психологии. Во-первых, когда я сегодня разговаривал по телефону с Мариной, она вспомнила, что предлагала Новокшанову напитки на выбор – минералку, сок и так далее. Абсолютно протокольное действие. Но Виктор решительно, даже грубовато отказался. Сказал, что совершенно не хочет пить. Поэтому в высшей степени странно выглядело бы то, что, отказавшись от предложения Марины, он потом втихаря стал пить воду.

– Было бы похоже на демонстративную недружественную акцию.

– Вот именно. Во-вторых, и это самое главное, Виктору

необходимо было скрыть тот факт, что он принимал таблетки. Причем все действие целиком. Думаю, он хотел выбросить стаканчик в урну для мусора, но, не найдя ее, почти машинально стал прятать, куда смог. В тот момент он не анализировал свои поступки, а действовал импульсивно. Он практически заметал следы.

– Следы чего? – нетерпеливо спросил Васин. – Юрий Иванович, вы, наверное, что-то еще обнаружили, кроме злополучных мятых стаканчиков и таблеток?

– Безусловно. Сейчас перейдем к другим интересным находкам, а злополучные, как ты выразился, стаканчики оставим пока в стороне. Со знаком вопроса.

Бойко поднялся с кресла и стал задумчиво рассказывать по комнате, словно по турнирному залу шахматного клуба. Наконец остановился прямо перед Васиным и провозгласил:

– Пуговица!

– Что – пуговица? – вздрогнул Савелий.

– Вырванная с корнем пуговица на пиджаке, – пояснил Бойко.

– Юрий Иванович, вы шутите? Сейчас вы мне еще расскажете про след от губной помады или кровавый отпечаток на стене!

– Предвзятость, нетерпеливость и поспешность в суждениях не дают тебе стать по-настоящему классным сыщиком, – глядя на Савелия поверх очков, назидательно молвил Бойко. – История криминалистики насчитывает десятки ты-

сяч дел, которые были раскрыты благодаря таким мелочам. Другое дело, что не всякий следователь в состоянии их увидеть или правильно оценить. Так вот, относительно пуговицы. Когда Новокшанов уходил из переговорной, все пуговицы его пиджака были на месте. Марина убеждена в этом, и ей можно верить. Как любая женщина она бы обратила внимание на такой непорядок в одежде. Пуговица была оторвана по дороге от офиса «Венко» к переходу.

– Может, она уже давно болталась и просто потерялась. Или оторвалась, когда Новокшанов под автобус попал...

– Ничего подобного. Когда я осматривал пиджак, то проверил – все пуговицы пришиты насмерть, не отодрать. Мы с Гориным пробовали – ничего не получилось. А эта была просто вырвана с мясом, только нитки торчали. Пришлось снова беспокоить жену Виктора, которая собирала его на эту встречу. Она прекрасно помнит, что костюм был в порядке, в том числе пуговицы. Сама проверяла. Еще уговаривала его надеть что-то более современное, модное, но он отмахнулся – и так сойдет. Так вот, представь себе, пуговку-то я обнаружил.

– Юрий Иванович, вам мало показалось офиса? Вы что же, самостоятельно облазили еще и все окрестности?

– Ты же понимаешь, что это нереально. Нашел одного местного дворника, объяснил задачу, пообещал заплатить. Он тут же собрал еще нескольких ребят в оранжевых жилетах, и они два часа прочесывали все вокруг. Пуговица ока-

залась на газоне, который тянется от офиса «Венко» к проезжей части. Так что автобус, мой дорогой друг Васин, тут ни при чем. Зато тот факт, что физически довольно слабый Виктор сумел оторвать накрепко пришитую пуговицу, наводит на некоторые размышления.

– А наши доблестные оперативники? Они что, не осматривали место происшествия?

– Они осматривали лишь проезжую часть, где автобус сбил Новокшанова. Для меня же местом происшествия является все пространство от здания компании до автобусной остановки на противоположной стороне улицы.

– Так почему, по-вашему, он оторвал пуговицу?

– Это вторая задачка, точный ответ на которую мы пока не знаем. У меня есть предположения, но о них позже. А теперь, Савелий, самое мрачное и интригующее.

– Неужели все-таки кровавый отпечаток? – ухмыльнулся Васин.

– Столешница, – негромко сказал Юрий Иванович. – Обыкновенная полированная столешница. Понимаешь, с самого начала расследования я хотел узнать, не осталось ли после стрессового интервью каких-либо бумаг, написанных Витиной рукой. Но Марина объяснила, что этот формат не предполагает никакой писанины, только личная беседа, вопросы-ответы. Более того, во время стрессового интервью никаких бумаг на столе вообще быть не могло. Зато она припомнила, что в какой-то момент Новокшанов достал стикер

от смартфона и стал механически возить им по столу. Марина, по ее собственным словам, едва удержалась, чтобы не сделать ему замечание. Солидный, пожилой человек, а ведет себя как ребенок!

Я хорошо знал Витину привычку во время беседы что-то чертить на листочках бумаги. Делал он это с сильным нажимом, поэтому на деревянных поверхностях иногда оставались следы от его художеств. Жены наших общих друзей, когда Витя приходил в гости, внимательно следили, чтобы он не портил их мебель. Впрочем, даже если бы я так хорошо не был знаком с привычками своего приятеля, то после слов Марины следовало бы поискать что-то интересное на поверхности стола в переговорной комнате.

Однако он оказался обтянут кожей, кожзамом или чем-то вроде того. Разумеется, на мягкой поверхности ничего остаться не могло, и я, если честно, сильно огорчился. И все равно на душе было беспокойно, тревожно. Ты же знаешь, как я люблю копаться в мелочах, а тут мне казалось, что некая второстепенная, но важная деталь была мной упущена. Я сконцентрировался, постарался полностью погрузиться в атмосферу этого места. И вспомнил, как Марина с отвращением рассказывала о том, что пот с лица Новокшанова стекал прямо на полированную поверхность стола. Полированную!

Я попросил Емельяненко выяснить, в чем тут дело. Оказалось, после того, как сняли печать с переговорной и неза-

долго до нашего прихода, шустрые хозяйственники поменяли стол. Никто не предупредил их, что трогать ничего нельзя, и они спокойно сделали свое дело. Тем более, новый стол привезли два дня назад, упаковка находилась в коридоре, рядом с переговорной, и всем мешала. Слава богу, не выбросили и никуда не увезли старый стол. Он был на складе, в здании офиса. Я внимательнейшим образом изучил полированную столешницу, и вот тут меня ждал неприятный сюрприз. Я увидел, что на поверхности стола начертаны бингас и фаруц.

– Юрий Иванович, а это что еще такое? – чуть не взвыл Савелий.

– Элементарно, мой друг, – усмехнулся Бойко. – В духовных практиках шимолизма, а также в некоторых современных оккультных системах – это точки сосредоточения ужаса и крайней степени отчаяния. Символически они выглядят так.

Бойко взял блокнот и, что-то быстро начертив там, протянул Васину. Савелий с интересом взглянул на художества своего бывшего шефа. На разлинованном блокнотном листе были изображены две незамысловатые фигуры. Перевернутая вверх ногами буква «п», на конце одной из ножек которой было нечто, напоминающее острие стрелы, только развернутое под прямым углом наружу. И неправильный треугольник, наиболее длинную сторону которого пересекал то ли маленький крестик, то ли буква икс.

– Так, – задумчиво протянул Савелий. – Но вы уверены, что это Новокшанов изобразил? Может быть, кто-то из сотрудников «Венко» на заседаниях рисовал?

– Нет, это Виктор. Он увлекался шимоллизмом. К тому же рядом был нацарапан его вензель – ВН, им он иногда заменял свою подпись. Как видишь, сомнений никаких.

– И что обо всем этом думаете?

– Такие рисунки – отображение чувств и мыслей человека в конкретный момент. Похоже, Виктор был сильно чем-то напуган. В общем-то, все остальные факты лишь подтверждают это предположение. Твоя Марина при всем желании не смогла бы довести Виктора до такого состояния. Тем более стрессовое интервью фактически не состоялось, было сорвано странным поведением Новокшанова. Таким образом, мы можем сделать вывод, что на встречу он пришел в состоянии, близком к панике.

В этом деле слишком много странностей и противоречий. Почему человек идет устраиваться на работу – и проваливает собеседование? Ведет себя так, словно думает совсем о другом, гораздо более для него важном. А ведь самым важным в тот момент для Виктора было именно собеседование!

Затем – странные прыжки на мостовой. Ведь под воздействием лекарства Новокшанов должен быть вялым, апатичным. Он, скорее, присел бы на лавочку подремать. А тут вдруг начал метаться среди машин. Он что, внезапно обезумел?

– Эта внезапность настораживает, – согласился Васин. – Да и вообще вся нелогичность поведения Новокшанова в тот день. Все, о чем вы сейчас рассказали, выглядит очень странно.

– Ты прав, – задумчиво промолвил Бойко. – И совокупность этих странностей наводит на размышления. Казалось бы, практически все указывает на несчастный случай. Горин, поняв, что с Мариной он перегнул, теперь с отчаянием утопающего схватился за версию несчастного случая. Оно, конечно, для него и спокойнее, и проще. Быстренько закроем дело, отчитается наверху – и вся любовь.

Только вот мне как-то не верится, что Виктора к смерти привела череда нелепых случайностей и досадных совпадений. Думаю, есть в этом деле некие закономерности, только я их пока не могу нащупать. Давай-ка вместе попробуем еще покопаться. Глядишь, что-нибудь интересное отыщется.

* * *

Звонок Васина застал Марину в ту минуту, когда она вышла на лестничную площадку покурить и отдохнуть после очередного стрессового интервью.

– Привет, Мариш! Извини, только сейчас вырвался тебе позвонить. Есть отличные новости. Тебе удобно разговаривать?

Изящно стряхнув небольшой столбик пепла в стоящую

рядом высокую урну, Марина голосом, не предвещавшим ничего хорошего, промолвила:

– С тобой – нет. Лучше исчезни совсем.

– Куда исчезнуть? – растерялся Савелий.

– В прокуратуру! Со всякими там убийцами, садистами и маньяками ты удивительно точен. О них ты никогда не забудешь, к ним ни за что не опоздаешь. А вот мне пообещать и потом даже не вспомнить – запросто. Не хочу слушать твоих оправданий!

– Маришечка, погоди! – заволновался Васин. – Ты послушай, я ведь не специально. Да, я обещал тебе перезвонить, но потом мне пришлось ждать встречи с Бойко, а когда мы закончили разговор, было уже...

– Ах, конечно! – Марина язвительно рассмеялась. – Два великих сыщика совещались всю ночь. И каковы результаты? С меня сняли обвинение в убийстве? Или следователь Горин уже вытирает пыль с электрического стула, на котором меня поджарят в ближайшее время? Тогда передай, чтобы лучше вытирал, потому что на казнь я надену шмотки стоимостью в его годовую зарплату. И не хочу их испачкать.

– Какая еще казнь? – рассердился Васин. – Я же звоню сказать, что все в порядке, Юрий Иванович снова блестяще справился с проблемой. Он...

– Ладно, не части, – прервала его Марина. – Я уже сама кое о чем догадалась, хотя и не работаю следователем. Юрий Иванович, конечно, тот еще персонаж. Правда, в отличие от

тебя, он мне вчера позвонил.

– Я же тебе объяснил...

– Не перебивай! Позвонил и устроил самый настоящий допрос по телефону. Я должна была припоминать какие-то жуткие подробности нашей единственной встречи с этим Новокшановым. Оригинальный тип!

– Новокшанов?

– Нет, Бойко твой. Впрочем, как я поняла, ему удалось осадить моего ретивого инквизитора Горина. Да еще навести шороху на моей бывшей работе. Неужели его так все боятся?

– Не боятся, а уважают. Он – лучший в нашем деле. Непререкаемый авторитет.

– Видать, так. И эта история с кардиологом... Забавно.

– Правда, забавно?

– Ты чего обрадовался? – снова рассердилась Марина. – Втравил меня в эту авантюру с получастным сыщиком и радуется теперь.

– Я? Я тебя втравил в авантюру? – возмутился Савелий. – Да если бы ты знала...

– Что я должна знать? Бойко со мной поначалу так разговаривал – я думала, он поможет следствию быстренько упечь меня в тюрьму. А то у Горина квалификации не хватало.

– Да дай же ты мне хоть слово сказать!

Марина открыла было рот, чтобы отреагировать на последнюю фразу Савелия, но тут заметила, что к разговору прислушиваются ее новые коллеги, тоже вышедшие поку-

ритель.

– погоди, я тебе сейчас сама перезвоню, – сказала она и, загасив сигарету, направилась в сторону своего кабинета. Прикрыв дверь, набрала номер.

– Какое слово ты хотел мне сказать? Только не тяни, совершенно нет времени, я сегодня первый день на новой работе.

– Поздравляю, – откликнулся Васин. – Быстро ты все успеваешь. И где ныне трудишься?

– В банке. Будешь говорить?

– Конечно. Хотя ты и догадливая, но все же скажу тебе – Юрий Иванович сумел найти факты, которые говорят в твою пользу. Горин теперь основной версией сделал несчастный случай. В общем, к тебе больше у следствия вопросов не будет.

Марина растерялась. Весь ее гонор мгновенно куда-то подевался.

– Нет, правда? – спросила она дрогнувшим голосом. – Савелий, это лучшее, что ты сказал мне сегодня. По тому, как вел себя во время нашей встречи Горин, я поняла, что Бойко сумел что-то вдолбить в его лысую голову. Только не знаю, что именно. Ты уверен, что теперь ко мне цепляться не будут?

– На сто процентов. Слез благодарности я не жду, но вот поцелуй...

– Ты вообще ничего не жди. Я хочу позвонить Юрию Ива-

новичу, поблагодарить. Нужно купить ему бутылку хорошего коньяка или виски. Как думаешь? К тому же эта трогательная забота о моем здоровье. Просто удивительно!

– Лучше не надо, он не любит подарков. Вот встретитесь завтра, поблаговаришь его лично.

– Как это – встретитесь? Я завтра не могу, у меня все расписано до девяти вечера. Говорю же – новая работа, приходится напрягаться.

– Марин, это важно. Юрий Иванович просил передать, что очень ждет тебя завтра у себя дома. Поедем после девяти, ничего страшного.

– А в чем дело, почему такая срочность? Давай в выходные к нему заеду.

– У него к тебе есть еще некоторые вопросы.

– Ты же сказал, что дело закрыто и ко мне больше цепляться не будут!

– К тебе никто и не цепляется. Просто Юрий Иванович хочет лично для себя прояснить, что все-таки произошло с Новокшановым.

– Несчастный случай, ясно ведь. И Горин, по твоим словам, теперь такого же мнения.

– А Бойко в этом не уверен. Поэтому-то он и хочет с тобой увидеться в ближайшее время.

– Я ведь уже сто раз все рассказала и пересказала, – тяжело вздохнула Марина.

– Вероятно, у Юрия Ивановича родилась какая-то идея.

– А это уже не лишнее? – нахмурилась Марина. – Как известно, лучшее – враг хорошего. Ты просил его помочь мне, и он блестяще справился с задачей, хотя я до сих пор не знаю, как именно. Что ему еще нужно?

– Мариш, при встрече я расскажу тебе, как он доказал твою непричастность к смерти Новокшанова. Но ты не знаешь еще одной, очень важной вещи. Дело в том, что этот Новокшанов был его близким другом.

– Так вот почему он был сначала так суров со мной! – воскликнула Марина. – Думал, я виновата в смерти его друга!

– Да. Так вот, теперь Бойко почитает своим долгом расследовать это дело до конца. И – либо убедиться, что произошел именно несчастный случай, либо...

– Ну, что ты трагически замолчал?

– Знаешь, пусть он сам тебе все расскажет. Может, пойдем сегодня в кино?

– Васин, ты нахал. Объясняю же – работа. И потом – я не хочу с тобой никуда ходить.

– Ладно, а завтра к Юрию Ивановичу пойдешь?

– К Юрию Ивановичу пойду, – вздохнула Марина.

– Чего ты вздыхаешь? Я думал, ты прыгать от счастья будешь.

– Я бы прыгала, но тут потолки низкие, можно шишку набить. Васин, наше с тобой общение ужасно выматывает. Даже не знаю, чем все может закончиться.

Но, услышав в трубке напряженное и обиженное сопение,

снисходительно добавила:

– Хотя нельзя отрицать – иногда от тебя бывает польза.

* * *

Второй рабочий день Марины в «Ритейлпромбанке» складывался удачно, хотя и начался довольно нервно. Она только-только выбралась из постели и собиралась нырнуть под душ, когда позвонили из секретариата и приказным тоном велели явиться к девяти утра в зал совещаний.

На законный вопрос, зачем ей туда являться, звонившая юная особа строго ответила:

– Представление госпожи Колывановой руководству банка стоит девятнадцатым пунктом в повестке дня заседания правления банка.

– Почему такая срочность? – недоуменно поинтересовалась Марина. – И почему меня вчера не предупредили?

– Решение включить ваш вопрос в повестку дня принято сегодня. А что вас не устраивает?

– Я распланировала рабочий день, назначила встречи, – уже начиная сердиться, ответила Марина. – Правление начинается в девять?

– Конечно. Я же сказала вам.

– Но если мой пункт – девятнадцатый, может быть, я подойду позже? Зачем сидеть просто так столько времени?

Девица на том конце линии, преисполненная чувством

собственной значимости, злобно отчеканила:

– Вы пытаетесь игнорировать распоряжение председателя правления? Мне так и передать?

– Ничего я не игнорирую, – Марина мысленно скрежетала зубами. – Просто хочу понять, что происходит. Если вы толком ничего объяснить не можете, не моя вина. Не я вас на работу нанимала. Моих рекомендаций вы бы не получили.

Обалдевшая от такого демарша фифа из секретариата не нашлась, что ответить. Откашлявшись, она казенным тоном повторила:

– Вы должны быть к девяти часам без опоздания!

Марина положила трубку и уставилась в зеркало. Наверняка эта поганка просто забыла позвонить ей вчера! Спешила в какой-нибудь клуб или на свиданку. Она глянула на часы – времени оставалось в обрез. Ни о какой поездке на машине уже не могло быть и речи. Чертыхаясь и проклиная нерадивых офисных свиристелок, она быстренько привела себя в божеский вид и едва ли не бегом направилась к метро, которое, по счастью, было в двух шагах от дома. Раскачиваясь в такт переполненному вагону, Марина размышляла, для чего потребовалось ее официально представлять топ-менеджменту. В конце концов, должность, на которую ее приняли, довольно скромная и никак не влияет на устойчивость или кредитно-финансовую политику «Ритейлпромбанка». Разве только косвенно, в части укрепления квалифицированными, стрессоустойчивыми кадрами. Не придя ни к какому выво-

ду, она решила не терзать себя замысловатыми проблемами, а дожидаться заседания правления, на котором все наверняка разъяснится. Деятнадцатый номер повестки сулил ей как минимум полутора-двухчасовое ожидание, поэтому надо было по прибытии на работу отменить первые два интервью, назначенные, соответственно, на девять тридцать и одиннадцать часов.

Однако все разъяснилось гораздо быстрее, чем она предполагала. Было без двух минут девять, когда Марина переступила порог приемной. Буквально следом за ней влетел молодой человек в хорошем костюме и сбитом набок модном галстуке. В руках у него была тонкая папка, из которой торчали листы бумаги.

– Где госпожа Колыванова? Она пришла? – выкрикнул он, обращаясь к четверем белокурым, похожим на сестер-близнецов созданиям, чьи рабочие места находились за длинной стойкой, явно сконструированной из ценных пород дерева. На Марину тут же уставились четыре пары отлично нарисованных глаз. Не дав белокурым созданиям пискнуть, она громко сказала:

– Госпожа Колыванова здесь. А вы кто?

Молодой человек широко улыбнулся и тряхнул густой шевелюрой.

– Очень приятно. Меня зовут Юрий, я референт председателя правления банка, Лилы Павловны Адриановой. Пойдемте со мной, Марина Анатольевна, вас уже ждут.

– Можно без отчества и на «ты», – улыбнулась в ответ Марина.

– Договорились, – бросил на ходу симпатичный Юрий. – Однако на правлении я должен полностью озвучить фамилию, имя и отчество, так что...

– Мне сказали, я иду под номером девятнадцать, поэтому думала, что придется еще часа два ждать. Даже чтиво с собой прихватила.

Марина продемонстрировала свернутый в трубочку журнал «Интеллект и психология».

– Адрианова все переиграла. Она еще вчера хотела с тобой встретиться, но ее вызвали в Центробанк, поэтому она и попросила пригласить на правление. А сегодня, когда увидела, что девочки придумали, рассердилась. Зачем, спрашивает, человека мариновать в приемной? Ей работать надо, у нас со свежими кадрами беда. В общем, девчонкам за тебя попало.

– Какая она молодец! – искренне воскликнула Марина, втайне надеясь, что одной из этих девчонок оказалась та нахалка, которая звонила ей утром.

– Еще бы, – с готовностью откликнулся Юрий. – Она любит такие поправки в последнюю минуту вносить. Иногда, правда, все ставит с ног на голову, но в итоге оказывается права.

– Всегда?

– Ну, не всегда, – снова улыбнулся Юрий. – Скажем так

– в большинстве случаев. С ней очень комфортно работать, сама скоро убедишься.

– О, как о покойниках, – либо хорошо, либо ничего, так?

– Не в этом случае. У нас из банка люди раньше пачками увольнялись, а теперь сами не уходят, держатся. Адрианова ценит хороших сотрудников. Не то что другие. Ладно, скоро сама все увидишь.

– Она ведь недавно в этой должности? Я на сайте посмотрела.

– Около года, до этого возглавляла один весьма успешный венчурный фонд. Пришли, заходи!

И Юрий распахнул перед Мариной высокую дверь.

В большом, роскошно обставленном зале заседаний, куда они вошли, было шумно. За огромным столом в больших кожаных креслах сидели мужчины и женщины – человек десять – и о чем-то горячо спорили.

– Подожди секундочку, – негромко сказал Юрий и быстро направился в обход стола к дальнему креслу, в котором сидела шатенка лет сорока с короткой стрижкой. Видимо, это была Лиля Павловна Адрианова собственной персоной. Наклонившись, Юрий что-то прошептал ей и положил на стол раскрытую папку.

– Коллеги, минуту внимания, – приятным низким голосом сказала шатенка, и шум понемногу стал утихать. – Хочу представить вам нового сотрудника – Марину Анатольевну Колыванову.

В зале заседаний на минуту воцарилось молчание, которое Марина, находившаяся в напряжении, все-таки оценила как благожелательное. Она видела, что ее внимательно рассматривают, однако враждебных импульсов, как это бывает иногда, не почувствовала. Атмосфера была, скорее, расслабленно-дружелюбная.

– Присаживайтесь, – сказала шатенка, и Марина села на краешек ближайшего кресла. – Меня зовут Лиля Павловна, руковожу, как вы, наверное, уже знаете, вот этим благородным семейством.

Она широким жестом обвела присутствующих, которые немедленно заулыбались.

«Какая приятная женщина, – подумала Марина. – Выглядит отлично и не пытается казаться моложе. И одета со вкусом. Вероятно, у нее собственный стилист».

– Однако наше благородное семейство, сиречь – дружный коллектив «Ритейлпромбанка», требует время от времени притока свежей крови, – уверенно, как и положено руководителю с многолетним стажем, продолжала свой монолог Лиля Павловна. – В связи с постоянно возникающими новыми задачами, расширением клиентской базы и интенсификацией нашей деятельности в целом. Так вот, дорогие мои. Я хочу, чтобы вы сразу познакомились с Мариной Анатольевной потому, что она – как раз тот человек, который будет нам этот приток в какой-то мере обеспечивать. Госпожа Кольванова – хедхантер с большим опытом работы. Одна-

ко мы пригласили Марину Анатольевну в банк прежде всего потому, что она специалист в области стрессовых интервью, то есть через ее руки будут проходить все претенденты на руководящие должности. Вы, – тут Адрианова обратилась непосредственно к Марине, – станете внимательно следить за тем, чтобы свежая кровь была чистой и здоровой. Готовы?

– Конечно, – сохраняя серьезность на лице, ответила Марина. – Собственно, я вчера приступила к обязанностям руководителя станции переливания крови. Первые доноры уже прошли через сито отбора, сегодня аудиенции дожидаются семь человек. Надеюсь, реуз будет положительный.

– Отлично, – весело рассмеялась Лила Павловна, обнаружив на щеках премиленькие ямочки. – С чувством юмора все в порядке. Что ж, надеемся на вашу компетентность и профессионализм. Если возникнут вопросы или проблемы – милости прошу ко мне.

Из зала заседаний Марина вышла вполне удовлетворенная. Похоже, эта Адрианова не станет вмешиваться в работу ее отдела и изводить мелочной опекой. Кажется, наконец-то повезло: здесь можно спокойно начинать работать, отдохнув от свалившихся в последнее время напастей. А там – посмотрим. Если Лила Павловна действительно современный, широко мыслящий руководитель, она непременно захочет когда-нибудь использовать Марину и как хедхантера. Тогда искать больше ничего не нужно. Вдохновленная этой мыслью, Марина направилась к своему кабинету, где ее уже поджидал

очередной «донор».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.